

НЕБО любви моей

русский бестселлер

Шляпин Александр

История о молодых людях, выпускниках 1941 года. Еще не успела высохнуть роса на выпускных туфлях, как в их жизнь врывается смерч кровавого лихолетья войны. Встав грудью на защиту отечества, вчерашние школьники занимают места за штурвалами танков и самолетов. И уже на ступенях поверженного Рейхстага, поднимут они фронтовые сто грамм и вспомнят, как совсем недавно горели они в небе над Москвой и Смоленском. Как голодные и промерзшие до костей в лагерях ГУЛАГА, вбивали ногами в болота Колымы и магаданского края деревянные сваи будущих аэродромов трассы Аляска-Сибирь. Как жарким летом сорок третьего умирали в штрафных батальонах на «Курской дуге» под гусеницами танков ради того, чтобы в один из майских дней вернуться домой и встретить там свою любовь. Ту любовь, с которой расстались, когда последний раз играл школьный вальс, и девчонки кружились, напоминая невест. Не всем суждено будет вернуться домой, но те, кто вернется, навсегда сохраняют верность любви и школьной дружбе.

Выпускникам всех лет посвящается.

Александр Шляпин

Небо любви моей

**Господу — душу! Сердце — любимой!
Честь — никому!**

Леночка появилась в нашем дворе года два назад. Из худой, угловатой девчонки с пшеничными косами она как-то незаметно для дворовых ребят превратилась в статную девушку приятных идеальных форм. Мать Елены после смерти своего мужа командира РККА, погибшего где-то на Дальнем Востоке во время боев за Халхин-Гол, переехала из Читы жить в Смоленск, где и устроилась на работу в «Красный крест» хирургом. Так называли смоляне областную клиническую больницу с момента ее основания.

Жило семейство Луневых в нашем районе в двухэтажном деревянном бараке, в обычной для того времени коммунальной квартире на четыре семьи. Там всегда пахло керосином и углем, а огромные черные тараканы прятались в углах, ожидая, когда хозяева разойдутся по своим делам, чтобы провести ревизию мусорных ведер.

Ленка училась в музыкальной школе, и каждый день проходила мимо раскидистого куста сирени, растущего во дворе. Там в его тени,

дворовые ребята, закинув школьные портфели и сумки по домам, собирались играть в карты.

— Ленка, это деваха! — со вздохом как-то сказал конопатый, рыжий мальчишка по кличке Хвощ, увидев, как девчонка направляется в музыкальную школу, держа под мышкой папку с нотами.

— Я бы...

— Что ты!? Ты еще зелень сопливая!? Не по твоему Хвощ карману такая телка! Ей шо... Ей прынца подавай, а мы кто для неё — так шпана голожопая? Давай сдавай, а то сидишь тут башкой крутишь, как филин на суку, — сказал Синица.

— Нет, эта Ленка, настоящая англицкая Леди! Такая вся из себя! Ну, просто — Фифа! — со вздохом сказал Хвощ, тасуя в своих руках колоду потертых карт. Синица, заведенный игрой, щелкнул ему подзатыльник для ускорения процесса, да так звонко, что кепка слетела с его головы. Ребята засмеялись и заорали вслед уходящей девчонке:

— Леди, Леди, Леди!!!

Вот именно с того дня пацаны подхватили это ласковое прозвище, которое прилипло к ней на долгие годы и даже через много-много лет Ленка, с удовольствием и душевным умилением воспринимала его и отвечала ребятам своей прекрасной улыбкой.

— Леди, Леди! — орали пацаны вслед

уходящей красавице, но Ленка всегда шла дальше и на окрики никогда не оборачивалась, чем вызывала к себе еще большее уважение.

Почти каждый день она проходила мимо нашей компании, помахивая сумочкой, а замороженные её красотой ребята еще долго делились впечатлениями, представляя эту девчонку в своей разбитной компании.

Саша Фескин, хулиган и заводила, к тому времени был наполовину сирота. Его отец, один из криминальных авторитетов Смоленска, погиб в тридцать шестом, попав на бандитское перо где-то в воровских разборках. После его смерти Фикса воспитывался матерью, но она уже ничего не могла сделать с распоясавшимся юнцом, который фактически постоянно жил на улице и общался с дружками папаши по криминальному цеху. Все ребята знали, что он сознательно пошел по стопам своего бандитского папочки и, похоже, такая жизнь, наполненная воровскими приключениями, ему очень нравилась. В компании ребят фамилия Фескин была трансформирована, и все, от самых младших до самых старших звали его просто «Фикса».

Саша Фескин очень не любил, когда уличные пацаны называли его такой неброской кличкой.

И вот... В один из весенних дней, когда ему прилично надоели такие издевки, он собрал на свою

«сходку» всю местную шпану, которую силой мускулов крепко держал в своих руках.

— Все мужики, раз и навсегда «Фикса» умер, да здравствует «Ферзь»! — сказал он с таким металлом в голосе, что в те минуты по спинам пацанов пробежали невиданного размера мурашки. Сашин рык, словно рык льва, поставил точку в своем лидерстве.

И вот с того времени он стал любыми путями и своей силой отстаивать этот титул, который сам себе тогда придумал. Пацанам в принципе было плевать на его выходку с кличкой, но рисковать из-за нее никто не хотел, зная о его тяжелых и тренированных на пачках газет кулаках. Поэтому многие из ребят безропотно согласились называть его «Ферзем», хотя «за глаза», он так и продолжал оставаться просто «Фиксой».

— Ну, Ферзь, так Ферзь — чего орать, будто тебе яйца прищемили! Пусть так и будет! — сказал Сеница с легкой ухмылкой, щелкая по привычке семечки.

Сеницу в этой компании пацаны воспринимали как правую руку Фиксы, хотя он был сам по себе и всегда проявлял свою независимость. В лидеры Сеница не лез, но и, зная себе цену, никогда не собирал окурки возле трамвайной остановки.

Все ребята тогда знали, чтобы быть

настоящим «Ферзем» и заводилой компании, нужно было иметь заслуженный авторитет и чувство справедливости, которые присутствовали у Сашки, но не в том достаточном объеме, чтобы владеть ситуацией. А у Фиксы, на тот день кроме «поджигала» на три спички, да колоды старых вытертых карт, не было за душой ровным счетом ничего. Этот его «авторитет» лидера и кличка были какой-то фальшивкой, и никто не воспринимал его на должном уровне, что всегда являлось поводом для мелких стычек.

Соперником Фиксы в этой компании и в делах амурных был «Червонец», так звали приятеля Сينيцы, Краснова Валерку. Валерка силой, как самозванец Ферзь особо не выделялся, но ввиду своей начитанности и уму, пользовался в нашем дворе заслуженным авторитетом. Его папочка, майор ВВС Красной армии, служил на 35 авиамоторном заводе военпредом и, вращаясь в компании городского начальства, был в те времена, довольно большой и уважаемой шишкой. Валерка, хоть и был из семьи военного летчика, папиным сыночком не был, а крутился на улице вместе со всеми. Прозвище свое «Червонец» получил не за красивые глазки, а за свою фамилию — Краснов. У него всегда водилась в кармане копейка, которую он никогда не жалел и жертвовал своим друзьям на их нужды. Связываться с сыном майора Краснова

никто не хотел, поэтому ему многое сходило с рук: будь то разбитое футбольным мячом окно или бегущий кот с консервными банками, который будил по ночам весь рабочий поселок. Именно за эти качества его вес в нашей компании постепенно, но стал преобладать над авторитетом самозванца Ферзя.

Пацаны, видели его незаурядность, ум, доброту, потянулись к Червонцу, забывая о том, что королем района слыл новоявленный и наглый Сашка Ферзь.

Со временем все встало на свои места. Каждый из этой компании по мере взросления сам себе определял свое место в жизни. Кто шел учиться в ФЗУ и другие училища, а кто — воровал с Ферзем на колхозном рынке и в трамваях, совсем не представляя себе другой жизни.

Однажды...

Случилось это в то время, когда для Краснова вся дворовая суэта надоела и в его судьбу незаметно, но уверенно вошла симпатия всего района — Леди. Ферзь, как претендент на руку и сердце девчонки, подобной наглой выходки от Червонца не ожидал. Он всегда считал, что она создана для него, и никто из ребят не имеет права посягать на якобы его «собственность». Но все случилось иначе. Ленка, вопреки вниманию и ухаживаниям Ферзя, просто выбрала Валерку, как

человека, в котором она видела свою любовь и настоящее девичье счастье. Это и стало тем яблоком раздора, тем детонатором, который просто взорвал Ферзя и привел его на тропу войны со своим бывшим товарищем. Жажда реванша и мести за свой проигрыш в делах любовных, заставили его пойти на крайние меры. Все слилось воедино, и он твердо решил на глазах всей дворовой шпаны расправиться с Красновым и вернуть себе объект своего вождения и любовных мечтаний, окончательно закрепив свое лидерство посредством кулаков.

Стрелка была забита им по всем канонам бандитских законов. Посмотреть на бой «быков» и расправу Ферзя над Червонцем, собралась вся поселковая шпана. По закону жанра, место для кровавой дуэли было намечено в руинах старой церкви, разбитой коммунистами еще в период борьбы с мракобесием и религией. Вот там, среди битого кирпича и ржавых крестов, упавших во время взрыва с куполов, должна была состояться настоящая жиганская разборка, которая и должна была поставить точку в споре между двумя влюбленными «маралами».

Ферзь к тому времени поднаторел и набрался опыта в подобных делах отстаивания своих личных интересов. Он был полностью уверен, что в несколько секунд сможет справиться с соперником,

и тогда Леди, как переходящий приз, вновь вернется к нему на правах победителя.

Развалины храма в тот день гудели, словно трибуны легендарного Колизея. Все пацаны думали, что крепкий и наглый Ферзь сможет одержать верх, а Краснов будет повержен на этом ристалище, как тевтонский воин во время ледового побоища.

Рассевшись на камнях, как в партере театра, пацаны, как обычно, закурили собранные на улице окурки и замерли в ожидании настоящего зрелища, бурно обсуждая предстоящие эпохальные события нашего двора, которые должны были сменить существующую власть.

Ближе к началу великого поединка, в широких дверях храма в компании с Синицей и своими приближенными, появился сам Валерий Краснов. Синий бостоновый костюм из военного отцовского отреза, сидел на нем как на дорогом манекене в городском универмаге. Это придавало ему не только уверенность, но и тот шарм, от которого млели почти все девчонки нашего рабочего поселка. Его респектабельный вид настолько поразил пацанов, что они единодушно пришли к мнению, что Валерка пришел сдать себя Ферзю без боя и зрелища, ожидаемого несколько дней, просто не будет.

В отличие от Краснова, Саша Ферзь появился

на назначенный поединок со своей блатной шпаной. Войдя в храм через запасной вход, который еще в двадцатые годы был наполовину разрушен взрывом динамита. Фескин, ввиду своего социального происхождения не мог похвастаться богатством своего гардероба. Его старое ФЗУшное галифе, да залатанная льняная рубаша, подпоясанная солдатским ремнем, придавала ему вид эдакого взбунтовавшегося пролетария, угнетенного жирными «котами» капитализма. За поясом его брюк, как огнестрельное оружие многозначительно торчала рукоятка «поджигала», перемотанная черной изоляционной лентой. Он с небывалым гонором поднялся на груды битого кирпича и встал перед Валеркой, словно Дантес перед Пушкиным, зацепив свои пальцы за старый, потертый и выдавший виды, древний солдатский ремень. Во рту его торчала папироса, которая как знак устрашения, перекатывалась языком из одного угла к другому, показывая, таким образом, свое пренебрежение и доминирование над соперником.

— Ну что, фраерок кучерявенький, будем рамсы качать, кому с Ленкой ходить!?! — спросил Ферзь на блатном дворовом жаргоне, стараясь навести на Краснова страх.

Но Валерка без всякого страха взглянул на вождя «красножопых», как он его называл, и довольно спокойно ответил:

— Это Ферзь, не тебе решать, с кем будет встречаться Леди. Ее спросить надо или ты ее чувства в счет не ставишь? А уже потом, как она скажет, будешь мне свои зубы прокуренные показывать, — ответил Краснов довольно мирно, что повергло Фескина в еще большее бешенство.

— Да я тебя, сученыш, порву, как обезьяна газету! — завопил Ферзь, и, выхватив свой «поджиг», направил его в Краснова. — Нашпигую тебя сейчас сука гвоздями, что на жопу свою больше не сядешь!

Даже после такого выпада, Краснов остался спокоен как памятник Сталину, стоящий возле областного комитета партии. Предчувствуя, что без драки не обойтись, он скинул с себя пиджак и подал его Славке Синице, который бросил компанию Ферзя за его криминальные склонности. Он стоял позади Червонца, из-под козырька кепки глядя на своего бывшего друга, ухмыляясь и зная, что приготовил Червонец для этой встречи. В ту самую секунду все увидели, как за поясом брюк Краснова черным воронением блеснула рукоятка револьвера. Ферзь, завидев ствол, на минуту опешил и даже сделал шаг назад, но вовремя взял себя в руки. Наличие пистолета придавало Валерке какую-то уверенность, поэтому Фескин рисковать своим здоровьем не стал, а перешел на простые бульварные оскорбления, стараясь хоть словом, но

все же зацепить Валерку на рукопашный поединок.

— Кто ты такой!? Ну кто ты такой!? Черт ты, из коробочки! Ты меня решил своей волевой напугать? — нагло орал Сашка. — Да я, таких как ты, пачками укладывал! — продолжал вопить Ферзь, держа Краснова в прицеле своего «поджига», который он сделал пару лет назад из стальной трубки от автомобильного насоса. В другой руке, наготове, у него был коробок спичек, чтобы вовремя чиркнуть им по затравке. Руки его от бешенства тряслись, и было видно, что, не смотря на свое настроение, он все же стрелять не будет, хоть и показывал свою решимость.

Краснов, с присущим ему спокойствием, расплылся в улыбке и вытащил из-за пояса револьвер, который он довольно лихо крутанул на пальце, чем вызвал мычание удивления собравшихся на зрелище ребят. Он знал, что Ферзь, хоть и считал себя лидером местной шпаны, но все же вряд ли отважится стрелять при сопливых свидетелях, которые с замиранием сердца и страхом смотрели на весь этот спектакль и ждали его развязки.

Валерка, улыбаясь, прицелился в Ферзя и три раза подряд выстрелил из револьвера в кирпичную стенку над его головой. Маленькие крошки колотого кирпича и красная пыль облачком осыпалась на рыжую голову Сашки, окрасив ее в

еще более рыжий цвет. В ту секунду Фикса хоть и вздрогнул от выстрелов, но не потерял лица, остался холоден и бесстрашен. Он все также перекачивал папиросу из одного уголка рта к другому и смотрел на Валерку глазами полными какой-то жуткой ненависти, которая с каждой минутой закипала в его груди. Казалось еще минута, и они вцепятся друг другу в глотки и будут биться, катаясь по кирпичам, пока кто-нибудь не умрет или не признает свое поражение.

— Че слабо, слабо сука в меня шмальнуть? — спросил он, выплюнув окурок себе под ноги. Судя по его наглому и ехидному лицу, он с поля брани бежать не собирался, а наоборот, скривив свой рот в нахальной улыбке, обнажил на клыке «рандолевую» фикса, которую ему вставил знаменитый бандит Ванька Залепа.

— Дурак ты, Фикса! Да нужен ты мне, как зайцу подтяжки, — сказал Краснов и сунул наган за пояс своих брюк. — Ты так и не понял, что детство давно уже кончилось, а ты все еще в казаки-разбойники играешь! Твое дешевое царство мне не нужно, а за Ленку я застрелю любого и тебя в том числе. Забудь ее и иди своей дорогой, нам все равно не по пути, — сказал он, надевая свой пиджак.

Фескин как-то равнодушно поглядел на свой выдавший виды «поджиг» и, ухмыльнувшись

блатной компании, зашвырнул его далеко в церковные руины. Возможно, до него дошло, что самопал нагану не ровня, а значит, ему больше не нужен. «Поджиг» еще не успел упасть на землю, как пацаны, мгновенно слетев со своих насиженных мест, бросились искать его, рыская на ощупь в глубине подвала, эту бесценную для них железку.

Наверное, в ту самую минуту такого противостояния до него все же дошли слова, сказанные Красновым, и он понял, что детских игр больше не будет. Не будет ни «казаков-разбойников», ни «горелок», ни самокатов на подшипниках по Благовещенской улице до самого Днепра. Будет теперь все иначе. Будет — взрослая жизнь, которая уже через год изменит судьбу каждого из них. Теперь судьбы Краснова и Ферзя окончательно и надолго разошлись, словно это были в море корабли и они еще не знали, что убежит много воды, прежде чем они вновь увидят друг друга.

Все заметили, что Краснов со своим наганом и независимостью стал для него не просто соперником в делах амурных, а самым настоящим заклятым врагом. От закипевшей в Сашкиной груди ненависти, злобы и простого мальчишеского отчаяния, он никогда не смог бы простить Краснову его смелости и прямолинейности. Ведь сегодня Валерка, на глазах всех пацанов, которые считали

Ферзь авторитетом, одержал победу и старался принизить его значимость среди поселковых ребят. Ферзь никогда не прощал такого отношения к себе. Прищурился глазами подобно хищнику, он сказал:

— Давай фразерок, на кулаках биться, или ты без «волыны» не в состоянии за себя постоять!?

Ферзь знал, точно знал, что запросто уложит Валерку с первого удара. Ведь он всегда рассчитывал на свою силу и ту природную наглость, что досталась ему от его бандитского папаша, промышлявшего по Смоленску разбоями.

— Я на тебя, Саша, плевать хотел с высоты этой колокольни! Нет у меня желания биться с тобой на кулаках! Твое мифическое царство над этими пацанами, мне совсем не нужно! — равнодушно сказал Валерка. — Ты Сашка, просто дурак! Ты хочешь, остановить прошедшее время и совсем еще не понимаешь, что ты уже не сопливый пацан, а взрослый мужик. У нас с тобой Ферзь, очень разные представления об этой жизни, да и пути в ней абсолютно разные, — сказал спокойным голосом Валерка, не сдавая своих позиций.

Пацаны, собравшиеся поглазеть на разборки, в тот миг так ничего и не поняли из происходящего. Червонец со стволом мог вполне поставить Ферзя на место, но делать этого почему-то не стал!? И тогда всем стало ясно, что ему это не надо. Не надо...

Пока соперники разбирались между собой в споре, на выстрелы, прозвучавшие в руинах, поспешил местный участковый милиционер, который и поставил окончательную точку в их споре.

Местный легавый дядя Жора, был из рабоче-крестьянских органов милиции и прекрасно знал, что кто-то из пацанов просто балуется найденным где-то огнестрелом. Но, все же, исполняя долг, он на всякий случай вытащил револьвер, чтобы своим вооруженным видом навести на дворовую шпану настоящий страх. Держа в руке потертый временем милицейский наган, он стал аккуратно переступать через кирпичи, стараясь быть незамеченным. Но пронзительный свист прозвучал над головой милиционера и многогранным эхом отразился от стен разрушенной церкви, предупредив всех о приближающейся опасности.

— Атае, пацаны, легавые! — прокричал Синица, и вся компания разом вспорхнула, словно воробы с проводов, и бросилась бежать из развалин тайными «партизанским тропами», которые они изучили до самого последнего кирпича и закоулка.

Лишь Валерка-Червонец да Сашка-Ферзь, так и остались на месте, молча глядя друг другу в глаза.

— Что засранцы, попались!? Я вам, бля,...

сейчас покажу, как из наганов в божьем храме палить! — сказал он, подойдя вплотную к противоборствующим сторонам. — Ну-ка черти, давайте выворачивайте свои карманы! — сказал дядя Жора в надежде увидеть у ребят боевое оружие, выстрелы которого еще несколько минут назад доносились из руин.

По приказу участкового, подростки, насупившись, не спеша, вывернули свои карманы, но к удивлению дяди Жоры в них ничего, кроме папирос и спичек не было. Валерка, зная примитивные заморочки местного легавого, загодя и незаметно скинул ствол в черное узкое окно, ведущее в подвал храма.

Не веря своим глазам, милиционер еще раз лично обыскал каждого из них и, убедившись, что признаков оружия не найдено, тут же спрятал в кобуру свой потрепанный револьвер. Сняв свою синюю фуражку, он вытер платком со лба пот, и каким-то удрученным скрипучим голосом сказал:

— Так, засранцы, считайте, что вам на сегодняшний день крупно повезло! В следующий раз Фикса, я тебя выверну наизнанку! Даже если я найду хотя бы один патрон, то я вас обоих посажу за бандитизм, по указу от апреля этого года нашего вождя товарища Сталина! Тебя Краснов, это тоже касается! Я не посмотрю, что твой папочка военпред на тридцать пятом авиационном заводе.

Пусть все его считают шишкой, но мне на это плевать. Лет по десять, я вам на Соловках гарантирую. Вот тогда и посмотрим, какие вы запоете песенки на лесоповале в Туруханском крае товарищи хулиганы.

В эту минуту противостояния, глядя друг другу в глаза, пацаны вдруг поняли, что действительно, детство безвозвратно ушло. Участковый дядя Жора как раз стал той силой, которая мгновенно нейтрализовала их бушующую ярость и вернула разум в головы.

Встреча с Вольфом

Довоенный весенний Смоленск утопал в свежей зелени городских деревьев. Золоченые купола Успенского собора, да и многих других церквей высились над деревьями и старинной крепостной стеной знаменитого смоленского Кремля, построенного еще в бытность Ивана Грозного. Благоухание цветущей черемухи наполняло весь воздух в городе неповторимым ароматом, который будоражил все внутренние струны и настраивал девичьи сердца к первой и самой чистой любви.

Уже с утра, пацаны, собравшись на поляне, на Зеленом ручье возле крепостной стены, гоняли в футбол, поднимая своими ногами клубы пыли.

Тяжелый мяч, пошитый из плотного брезента и туго набитый тряпками, летал из одной стороны в другую, гулко хлопая под ударами ног юных футболистов.

Каждое утро к двухэтажному кирпичному дому Валерки Краснова, подъезжала казенная «Эмка» и нудно сигналила, сообщая его отцу о своем прибытии. Отец Краснова, высокий стройный майор в летной форме, служил на авиационном заводе представителем военного управления ВВС РККА. Каждое утро он, спускаясь к машине, останавливался и махал своей рукой Валеркиной матери, которая из окна кухни смотрела на своего мужа-красавца и летчика своим влюбленным взглядом. Валерка тоже высовывался в окно, и глядел на отца с упоением, упершись локтями в подоконник. В эти минуты он, словно в трансе погружался в свои юношеские мечты, представляя себя таким же бравым, как и его батяка, летчиком. Он мечтал, как каждое утро, уходя на службу, он будет также махать рукой Луневой Леночке, которая совсем неожиданно нашла дорожку к его мальчишескому сердцу и поселилась теперь в нем на всю жизнь.

После того как машина уезжала на завод, Валерка вновь возвращался к своим историческим баталиям и кропотливо и дотошно погружался в мир аэродинамики и изучению стратегии и тактики

победоносного войска Александра Македонского. В осуществлении своей мечты он полностью отдавался изучению истории великих сражений, анализируя ошибки и просчеты стратегов былых времен.

Страсть стать военным летчиком настолько овладело его сознанием, что все свое свободное время он посвящал подготовке к поступлению в авиационное училище. Раз в неделю, по воскресениям, он ездил на аэродром в аэроклуб, где вот уже целый год осваивал нелегкую науку летать. Дюпотопный фанерный планер стал для него тогда первым самолетом, которым по прошествии целого года теории, он управлял в воздухе своими руками, отцепившись от буксировщика.

Однажды, оторвавшись от земли, и ощутив это волшебное и прекрасное чувство, он настолько влюбился в это чистое синее небо, что порой ему казалось, что эта его новая любовь к воздухоплаванию и те неопишуемые ощущения свободы полета, пересиливают даже его любовь к Ленке.

Леди в такие минуты, как бы отходила на задний план, и вся эта невиданная страсть была направлена только на овладение планером, который плавно скользил в небе, рассекая плотный воздух своими широкими крыльями. Глядя с высоты птичьего полета на Смоленск, на Днепр, на поля и

леса, он фактически на какой-то миг забывал о дорогой его сердцу девчонке. Но каждый раз, пролетая над городом, он инстинктивно среди тысяч домов, старался найти дом самой красивой и дорогой его сердцу, его Леди, чтобы с гордостью и любовью помахать ей крыльями.

— Эй, Червонец, ты дома!?! — прокричал с улицы Синица, держа в руке рваный мяч.

Валерка, отодвинув тюль, выглянул на улицу, и, увидя толпу пацанов, крикнул со второго этажа:

— Что надо!?

— Слушай Краснов, мы опять «пузырь» порвали! Помоги!

— А я, что вам, скорая помощь!?! — отвечал Валерка. — Вы за неделю четвертый раз свой мяч рвете. А я вам должен его отремонтировать?

— Да ведь только ты, можешь уболтать дядю Моню. Он же тебе верит! — кричал Синица. — У нас денег нет! Но мы обязательно заплатим!

Валерка, бросив дела и закрыв учебник немецкого языка, спустился вниз во двор.

— Ура! — орали пацаны, прыгая от радости при виде Краснова, в карманах которого почти всегда звенела монета.

— Ладно, пошли, — сказал Валерка, и, подхватив рваный мяч с торчащими из него тряпками направился на Ленинскую улицу, где в полуподвальном помещении находилась сапожная

мастерская старого еврея Мони Блюма.

Дяде Моне было уже много лет. Седая козлиная бородка была единственным украшением на его лице. По привычке, он постоянно ходил по своей мастерской, держа в зубах три кленовых гвоздя, которыми он подбивал кожаные подошвы дорогих нэпмановских ботинок. Эти деревянные гвоздики разбухали, и как бы срастались с кожей, намертво держа спиртовую подошву. Всем нравилась аккуратная работа Мони, от того у него всегда было достаточно клиентов из уважаемых нэпманов и чиновников высокого ранга Смоленского обкома, облисполкома и даже НКВД.

— О, Валеричка пожаловал, собственной персоной! — говорил дядя Моня, поднимаясь со своего обитого кожаными лентами стула. В его мастерской вкусно пахло резиновым клеем и свежей кожей, а его рабочий халат тоже был весь в клею со случайно прилипшими кусочками резины и кожи.

— Ви, уважаемый, снова порвали свой «пузырик»? Видно, Валеричка, невиданные баталии бушуют на вашем дворовом стадионе, раз вы так часто рвете мои американские капроновые нитки!?

— Дядя Моня, заштопайте, пожалуйста! А то эти футболисты от меня не отстанут. Только деньги я занесу вам, как только батька зарплату получит.

Сегодня, к сожалению, я пуст, как турецкий барабан.

Моня знал Краснова и всю его семью, поэтому верил ему, как своему сыну Давиду. Валерка никогда не подводил сапожника и вовремя возвращал то, что обычно был должен за ремонт мяча или своих потертых ботинок.

Моня брал мяч, аккуратно запихивал в него тряпки, и с виртуозной ловкостью при помощи дратвы и шила зашивал мяч, придавая ему первозданную прочность. В эти минуты подобного таинства пацаны, замороженные работой мастера, замирали и, словно под гипнозом наблюдали за каждым движением старого и мудрого сапожника-еврея.

— Держите, Валеричка, свой «пузырь»! Я думаю, он вам еще немного послужит! Вот если бы вы купили себе кожаный мяч с надувной камерой, то тогда бы вам не пришлось тратить деньги на ремонт этого барахла. Сегодня я, Валеричка, сделал вам его бесплатно. Старый еврей Моня Блюм хочет на долгие годы оставить свой вклад в развитие Советского спорта в городе Смоленске. Может, вы станете знаменитыми футболистами, которыми будет гордиться вся страна?

— Спасибо дядя Моня, — хором закричали пацаны и с криком ура вновь убежали на поляну гонять уже отремонтированный мяч.

На какое-то мгновение Валерка с евреем остались наедине, и тогда Моня, видя в нем родственную душу, начал свой долгую беседу.

— Валеричка, вы не спешите? — спросил он, чтобы поделиться тем, что наболело на его сердце.

— Да нет, вот только уроки... Остался последний год, так я не хотел бы терять свою форму. Я ведь хочу поступить в военное училище, чтобы стать военным летчиком, как мой отец.

— А вы, Валеричка, не боитесь, что скоро начнется война!? — спросил еврей, глядя поверх своих очков. — Вам придется воевать с самым грозным врагом.

— Нет, не боюсь! Товарищ Сталин нам говорит, что мы будем воевать малой кровью на стороне противника. Я в аэроклуб, в ОСАВИАХИМ хожу, и уже на планере научился летать, и даже значок получил «Ворошиловский стрелок». Вот так, вот! — похвастался Краснов.

— Вы хоть сами-то верите в эти сказки? Я знаю, несомненно товарищ Сталин прав, но немцы... Эти сволочи накопили горы всякого оружия. Они захватили Польшу и всех евреев согнали в гетто. Они разорили все еврейские магазины в Германии и теперь преследуют нас на каждом шагу по всему миру. А теперь они пойдут войной на Советский Союз, и точно так же будут наводить тут свои порядки.

— Я так не думаю. У нас же с немцами договор о ненападении. Сам товарищ Молотов подписал его еще в прошлом году с их министром Рибентропом, — сказал Валерка более чем уверенно, удивляя Моню своей начитанностью.

— Я знаю, Валеричка, но поверьте мне, старому еврею Моне Блюму, война обязательно будет! Вот только когда? В этом году, через год или десять, но она будет... И помяните мое слово, Валерик, Гитлер утопит всех в крови! Ви еще вспомните наш с вами разговор.

В тот момент Краснов был уверен, что это просто опасения старого еврея, изжившего свой ум в борьбе за выживание в условиях развитого социализма. В его голове никак не укладывалось то, что сказал Моня.

Разве мог Гитлер напасть на Советский Союз, когда связи между государствами набирали обороты дружбы и взаимного сотрудничества, думал Валерка, зная об отношениях СССР и Германии. Отец постоянно рассказывал, что неоднократно на завод приезжали немецкие специалисты и офицеры Люфтваффе. Они с любопытством знакомились с технологией и новейшими образцами военных самолетов создаваемых на отцовском заводе. Участвовали в учениях и даже играли в футбол в дружеских встречах. Нет, войны не должно было быть! К

такому мнению пришел Краснов-младший и возвратился в свой мир учебников и всевозможных военных наставлений.

В один из таких дней конца мая, отец как-то неожиданно позвал Валерку с собой на работу. Только в машине он узнал, что по очередной договоренности на завод прибывала партия новых экскурсантов из Германии. Эта весть обрадовала его до корней волос, ведь Валерка изучал немецкий язык. Отец, зная увлечение сына, равнодушным оставаться не мог. Он хотел, чтобы сын на практике проверил свои знания и вживую пообщался на немецком с легендарными офицерами Люфттваффе, о которых тогда писали все советские газеты.

Не знал ни Леонид Петрович, ни Валерка, что ровно через год и один месяц эти стройные, холеные германские летчики будут бросать бомбы на его Смоленск, на этот завод. Будут убивать мирных жителей: детей, стариков, а после очередного рейда, за чашечкой кофе станут дымить сигарами и хвастаться о своих новых победах в кругу таких же, как они фашистских выродков.

Валерка с отцом вместе приехал на завод еще с самого утра. Он бесцельно шлялся по цехам в ожидании немцев, и ему тогда казалось, что время тянется, словно оно сделано из авиационной резины.

Ближе к полудню ворота завода со скрипом

открылись, и на его территорию, пуская клубы дыма, въехал автобус с немецкими офицерами, которые прилетели на заводской аэродром на своем самолете. Валерка подошел к отцу и вместе с ним, и директором завода, да председателем местной партийной ячейки, они встретили дорогих гостей, которые словно хозяева Европы, вальяжно, один за другим выходили из автобуса.

Летчики выходили из автобуса, и тогда Краснов заметил, что они как-то странно смотрят в безоблачное голубое небо, как бы изучая ориентиры, для будущего бомбометания. Создавалось такое ощущение, что они восхищаются чистотой небесной выси, которая в эти майские дни была необычайно чиста и прозрачна. Уже позже Валерка поймет, что привычка смотреть на небо закладывается в подсознании летчика уже с первого взлета и никогда не отпустит, пока есть силы держать в руках штурвал самолета.

— Господа офицеры, вы находитесь на территории тридцать пятого смоленского авиационного завода. Здесь мы производим моторы для наших истребителей И-16 и ЛАГГ-3, а также для нового штурмовика ИЛ-2, — сказал директор, приглашая гостей пройти по цехам.

Многие немецкие летчики уже были знакомы по Испании с этим типом самолетов, но после того как в их парке появился «Мессершмитт БФ-109»,

советские самолеты уже вызывали у них легкую ироническую улыбку. Воюя в составе легиона «Кондор», немцы уже давно опробовали наши «Ишаки» на убойность, и хорошо знали, как те красиво горят, как в воздухе, так и на земле. Единственное, что их удивило из рассказа директора, это информация о нашем новом ИЛ -2, про который они ничего не знали, но с которым им уже через год придется столкнуться в небе над Россией.

Из всех немецких летчиков выделялся один — молодой, белобрысый фельдфебель. Его фуражка, изогнутая в форме седла для лошади, с первой секунды сразу бросалась в глаза. Ямочка на подбородке придавала лицу мужскую привлекательность, не смотря на то, что он был еще совсем молод.

— Франц-Йозеф Вольф, — представился он по-русски без всякого акцента, и, козырнув своей рукой в черной кожаной перчатке, молодцевато, словно юнкер, щелкнул каблуками своих зеркальных хромовых сапог.

— Майор Краснов Леонид Петрович, — сказал отец. — А это мой сын Валерий.

Валерий подал свою руку, и фельдфебель, сняв перчатку, крепко пожал её. Он похлопал Валерку по груди, и сказал:

— Хороший мальчик! Гуд юнге!

Валерий удивленный его познаниями русского языка, в долгу оставаться не хотел и на приличном немецком, ответил:

— Я очень рад нашему знакомству, господин летчик.

— Оу, ты мой юный друг хорошо говоришь по-немецки, — сказал удивленный Йозеф Вольф.

— У меня есть хороший учитель, — ответил Валерий. — Я хочу, как и мой отец, поступить в военное авиационное училище, буду военным летчиком, как вы Франц.

— Это очень похвально! Мужчина должен быть настоящим воином! — сказал фельдфебель, и вновь одобрительно похлопал Валерия по плечу. Вольф достал из кармана две сигары в странных алюминиевых футлярах, которые в Советской России были тогда еще в диковинку и подал одну отцу Валерия, а другую хотел было закурить сам, но крепкая рука отца, остановила его.

— Господин фельдфебель, на территории завода курить запрещено. — Только в специально отведенных для этого местах.

— О, я, я! Я понимаю — хорошо! У меня русская мать, — сказал он, но толстую сигару изо рта вытаскивать не стал. Так и ходил молодой летчик по цехам завода, с торчащей во рту незажженной сигарой. Валерка, что собачонка неотступно бегал за немцами сзади. Он ловил

каждое слово, каждую интонацию и, переварив её в своей голове, складывал на невиданные полочки своей памяти.

По немцам было видно, что они чувствуют себя довольно уверенно и даже где-то нагло. Летная форма, галифе, зеркальные хромовые сапоги завораживали своей безупречностью и каким-то военным шармом.

Выступая в заводском клубе перед рабочими и летным составом испытательной эскадрильи, Франц-Йозеф Вольф, расстегнув свой китель, украшенный «Железным крестом», рассказывал, как еще совсем недавно он в бою с Бельгийскими летчиками, одержал две победы, за которые и получил свой первый крест, которым он так гордится.

Тогда еще никто не мог предположить, что уже через год отношение к немцам изменится до-наоборот. Все эти нацистские побрякушки, вся эта форма будет олицетворением настоящего зла и всеобщей народной ненависти. Даже молодой фельдфебель Франц-Йозеф Вольф, ставший для Краснова Валерки объектом восхищения и подражания, в одно мгновение превратится из героя в настоящего преступника и заклятого врага. Но это еще будет, а пока немцы и русские играли в футбол, и ничего не предвещало осложнение обстановки между двумя великими народами, которые уже

через двенадцать месяцев будут смотреть друг на друга через прицелы пушек и пулеметов.

Футбольный матч, в плане встречи немецкой военной делегации, был самым зрелищным и самым интересным моментом. Немцы, облачившись в бутсы, черные трусы и красные майки с нацистским орлом на груди, выглядели вполне впечатляюще на фоне черных трусов, голубых футболок с золотым пропеллером на груди и надписью «САЗ» с красной звездой над буквой «А». Правда по уровню игры и индивидуальному мастерству, смоленские заводчане ничуть не уступали немцам, а в некоторых моментах даже имели преимущество. Два тайма на поле шла азартная и в тоже время интересная техническая игра и в этой игре, команда смоленского завода все же со счетом 2–1 одержала достойную победу над будущими немецкими асами, забив на последней минуте победный гол с пенальти.

После окончания матча, каждый немец получил заводской вымпел, а те в свою очередь подарили заводчанам красные флажки с черным и ненавистным пауком Гитлеровской свастики.

— На, держи! Это подарок от дядюшки Геринга, — сказал Франц и, улыбаясь, ловко бросил мяч Валерке.

— Огромное спасибо! — ответил Краснов по-немецки, поймав мяч на лету. В эту секунду

сердце паренька забилося с невиданной силой. Оно словно насос гнало по венам кровь, которая отдавала в висках монотонными ударами. Мяч был кожаный. Его лакированные бока даже после такой игры не утратили своего первозданного зеркального блеска и сияли лаковым глянцем. Этот подарок был как никогда кстати, и открывал перед ним и всеми его дворовыми друзьями перспективы большого и настоящего футбола.

По окончании дружеской встречи заводской фотограф, собрав немецкую военную делегацию, запечатлел на долгую память немцев и команду смоленского авиационного завода.

Разве мог тогда Валерка подумать, фотографируясь с немецкими асами, что совсем скоро каждый из них превратится в его личного врага и он, простой русский паренек из Смоленска будет наводить в небе над своей родиной на этих господ настоящий ужас. Разве мог он тогда представить, что судьба вновь сведет его с фельдфебелем, и он лицом к лицу встретится с ним не на футбольном поле, а на полях сражений и развеет миф о непобедимости немецких асов.

Уже на следующий день Краснов с самого утра был на поляне. Ему не терпелось увидеть, как дворовые пацаны воспримут появление в команде настоящего немецкого мяча. Спрятав «пузырь» в тряпочную сумку, Валерка сидел на длинном

осиновом бревне, лежащим рядом с поляной еще с каких-то далеких времен. Весь его ствол уже давно был изъеден короедом, а голое и почерневшее от времени бревно было отшлифовано до зеркального блеска задницами детворы, которая целыми днями восседала на нем, словно на трибуне футбольного стадиона.

— О, глянь пацаны, Червонец на «трибуне» развалился. Наверно, загорает? — сказал Сеница, глядя на Краснова. Валерка лежал неподвижно, скрестив ноги. Его кепка была натянута козырьком на глаза, и он делал вид, что дремлет.

— Эй, Червонец, проснись, нас обокрали! — крикнул Сеница, и вся компания заржала от его остроумной фразы.

— Что ржете!? Дайте спокойно полежать, — ответил Валерка, сдерживая себя от желания показать новый мяч.

— Ты будешь с нами «пузырь» гонять!? — спросил Сеница, присаживаясь рядом на бревно.

— Это тот «пузырь», что старыми фуфайками набит? — спросил Краснов, не поднимаясь с полированного ствола дерева.

— А у тебя, что лучше имеется? — спросил Сеница, закуривая.

— А то! — ответил Валерка, натянув кепку почти на кончик носа.

— Тогда че лежишь, кого ждешь? — спросил

Синица, глубоко затягиваясь.

— Дай лучше дернуть, — попросил Валерка и протянул руку. Синица три раза подряд глубоко затянулся, и, оборвав кончик гильзы папиросы зубами, вставил её между пальцев Червонца. Валерка нащупал папиросу, всунул себе в рот и глубоко втянул в себя горький и вонючий дым.

— Красноармейские? — спросил он, продолжая лежать на бревне.

— Нет — «Наша марка», — ответил Синица, давясь от смеха.

— Да у тебя на «Нашу марку» денег не хватит, — сказал Краснов. — Да и табачок там поароматней и помягче будет. А этот, до самой жопы продирает... Настоящий конский жопораздиратель!

— Хорош гоношиться! Тоже мне знаток! Вставай, погоняем мячик! — ответил Синица и толкнул в бок Валерку.

Валерка, не поднимаясь с бревна разжевал кончик гильзы папиросы и, приклеив её на ноготь указательного пальца, вслепую щелчком отправил окурочок в полет:

— На кого Бог пошлет, — сказал он и резко поднялся, придерживая рукой кепку.

Окурочок, наполненный слюной, после сильного щелчка взлетел в воздух и, описав дугу с каким-то странным чваканьем, шлепнулся на поношенный

ботинок Ферзя.

— Ты, че, сученок, рамсы попутал? Я тебе сейчас как по дюнделю заеду! — заорал стародавний враг Фескин и уже приготовился к драке, закатав рукава своей полотняной рубахи.

— Да хорош Ферзь, наезжать на него, Червонец же не видел тебя, — сказал Синица, заступаясь за друга.

— Ты, конопатый, форточку свою прикрой. Не с тобой базарят, фраер дешевый. Видел, не видел — мне по-хрен! Его бычок, вон как прилип к моему ботинку и ему отвечать за это...

Ферзь подошел поближе и поставил перед Валеркой свой ботинок, на котором и впрямь торчал приклеившийся окурок.

— Вытирай козел! — сказал Ферзь, и грозно сжал кулаки.

В эту минуту Валерка понял, что Ферзь просто хочет унизить его в глазах пацанов.

Ботинки Фескина чистотой особой не блистали, и даже этот окурок не мог испортить их потрепанного вида. Парни, с интересом глядя за происходящим, собрались полукольцом за спиной Фескина, и над поляной воцарилась тишина.

— Я сказал, вытирай! — вновь повторил Фескин, уже конкретно заводясь на драку.

Валерка ехидно взглянул на Ферзя снизу вверх, и разжался, словно пружина так быстро, что

Фескин даже не сообразил, как кулак Червонца, что было сил, впился в его пах.

Нестерпимая тупая боль пронзила все тело Ферзя. Он, задыхаясь, выпучил свои глаза и схватившись за низ живота, упал в пыль около бревна. Скрючившись и мыча от боли, Ферзь стал кататься по земле, изрыгая из себя проклятия и угрозы в адрес Валерки.

В то самое мгновение все поняли, что Червонец уложил Ферзя одним ударом. Краснов не дал себя унизить в глазах дворовых пацанов и этим мгновенно снискал себе еще больше авторитета и уважения.

Пока Фикса отходил от побоев, Валерка, как ни в чем ни бывало, достал из сумки мяч, подаренный ему немецкими летчиками, и с видом победителя красиво пнул его, окончательно утверждая превосходство ума против грубой силы.

— Каторжане, держи «пузырь»! — заорал он, и мяч красиво взлетел над поляной. А замороженные полетом пацаны, замерли в полном непонимании. Мяч красивый, кожаный, словно птица, на мгновение завис в воздухе и, упав на землю, вновь подскочил. Он был настоящий, и это было уже чудо...

— Ура, ура, ура! — заголосили пацаны, и бросились ловить подпрыгивающий по полю фашистский «пузырь», в который с первого раза

влюбились все ребята нашего двора.

В эти минуты им было все равно, что испытывал Ферзь, валяясь в пыли около спортивной «трибуны». Власть рыжего Ферзя над ребятами в одно мгновение рухнула, словно карточный домик.

Теперь властью над компанией был футбольный кожаный мяч, от которого невозможно было даже оторвать свои взгляды. Это был подарок судьбы, и он в одно мгновение объединил тогда всех ребят в дворовой команде. По случаю торжественного вброса нового «пузыря», как называли мальчишки мяч, сразу же состоялась дружеская игра. В ее азарте и бушующих страстях, никто и не заметил, как ушел Саша Фескин. Никто тогда даже и не вспомнил о нем. Футбол закружил ребят в своем вихре, словно торнадо и никому не было дел до побитого «дворового короля», который еще недавно имел среди всей шпаны власть, основанную на силе.

Вот так, одним ударом Краснов Валерка, стал настоящим героем дня и окончательно избавил ребят от деспота Фескина, объединив вокруг игры целые улицы, некогда сходявшиеся друг с другом только в кулачных сражениях...

Арест

Новость об аресте Ферзя застала Валерку на летном поле. Как только, спустившись по крылу У-2, он спрыгнул на землю, в этот самый миг увидел, как через все поле стремглав бежит Синица. Его выдавшая виды, залатанная шотландка, словно флаг развевалась по ветру, обнажая напряженные мышцы упругого пресса.

Не добежав до Валерки нескольких метров он, задыхаясь, завопил еще издали:

— Червонец, Фиксу нашего, легавые повязали вместе с бандой Вани Залепы! Говорят, что они кассира с авиационного завода завалили, когда тот из банка получку нес...

Отстегнув замки парашюта, Валерка, было, собрался бежать, но командирский и властный голос инструктора-лейтенанта, остановил его.

— Курсант Краснов — стоять! Ты, куда змееныш, намылился, мать твою, ежики-лысье...!? Что за посторонние на летном поле во время учебных полетов? — обратился он к Синице.

Синица, стоя в позе «вратаря», уперся руками в колени. Он настолько глубоко дышал, что слюна белой пеной произвольно стекала по его подбородку, и у него не было сил даже вытереть её.

— Он сейчас оклемается и уйдет товарищ лейтенант, — сказал Валерка, вступившись за Синицу.

— Пока он оклемается, ему винтом башку в

щепки разнесет, — ответил инструктор, закуривая. — Пять минут и чтобы духу его не было! Пусть ждет тебя на краю поля. Мы еще не закончили. Разбор полетов по плану...

Синица постепенно приходил в себя. Он рукавом рубахи вытер слюну и сказал:

— Валерик, Фиксу легавые замели! Я почти всю дорогу бежал, чтобы сказать тебе. У нас полный двор НКВДешников и народной уголовной милиции. Черные «воронки». Участковый со своим наганом к вам домой заходил вместе с чекистами. Что-то ищут — караул!!! Сплошной кипишь!!!

В эту секунду в душе Краснова, что-то странно екнуло. Чувство какой-то опасности, нахлынуло на него, и он всем сердцем ощутил, что дома произошло, что-то неладное.

Ноги как-то сами по себе подогнулись и он, расслабившись, плюхнулся на парашют, валявшийся тут же на земле.

— Что, что было дальше!? Давай рассказывай! — спросил Валерка, предчувствуя сердцем беду.

— Тетка Фруза говорила, что легавые и тебя якобы ищут... Будто они и тебя в чем-то подозревают. — Сказал Синица, придя в себя от марафонского бега.

— А я-то тут причем? — недоуменно спросил Краснов, делая удивленные глаза.

— А притом, что ты мог знать, когда получку повезут на завод. Участковый дядя Жора не знает, что вы с Феской враги. Он то и настропалил НКВДешников, что вы, якобы закадычные друзья.

— Вот же сука! Это он мне простить не может нашу дуэль с Ферзем.

— Да нет же! Участковый давно на вашу квартиру глаз положил, — ответил Сеница. — Он давно говорил, что твой отец эту квартиру получил незаконно. А еще...

Сеница подошел к Краснову и на ухо прошептал:

— Участковый говорил, что твой батька немцам продан, и что ты, тоже за мячик футбольный продан Гитлеру и шпионишь в пользу фашистов. Короче, ходит и распространяет слухи, что якобы ваша семейка, это настоящий шпионский рассадник. Ты меня, Валерка извини, но в такое время говорить о шпионах, это моментом угодить на «Американку». Вон батьку Левы, тоже чекисты замели в свой НКВД. Говорят, что тот враг нашего народа. А какой он враг? Он всю жизнь на железной дороге отработал сцепщиком.

— Я теперь понимаю. Участковый инспектор специально хочет моего отца в Магадан отправить без права переписки, чтобы завладеть нашей квартирой. Все же этот Жора, настоящая блин сука! А я думал он наш, настоящий советский

милиционер! А он контра недобитая!

— Во-во, дошло наконец-то до тебя, как до жирафа, — сказал Синица, постукивая Краснова пальцем по лбу.

— Хватит, свидание окончено! — послышался голос инструктора. — Курсант Краснов, ко мне, мать твою, ежики-лысые...

— Есть! — сказал Валерка, и вскочил с парашюта. Он лениво, без особого желания взял его и натянул лямки поверх своего синего комбинезона. Застегнув ремни, отряхнул прилипшие к брюкам сухие травинки, и, подняв с травы кожаный шлем с очками, со злостью водрузил себе на голову.

— Ладно, я тебя там подожду, — сказал Синица и уныло побрел на край поля к ангару.

— Повторим! — приказал лейтенант-инструктор. — Взлет-посадка!

— Я готов, товарищ лейтенант, — ответил Краснов, слегка унылым голосом.

— Ты, мне тут курсант, не хандри! За полем или дома за тарелкой с борщом будешь хандрить... Сейчас, курсант, ты — учебная боевая единица... Если хочешь поступить в авиационное училище, то постарайся окончить эти курсы с отличием. Как говорит товарищ Сталин: «Комсомольцы все на самолет»! Вот и вперед, к самолету! Комсомолец, мать твою, ежики-лысые...

Валерка влез по фанерному крылу «этажерки»

в кабину и устроился там, сев как положено на парашют. Инструктор уселся во вторую кабину и хлопнул Краснова по плечу.

— От винта! — прокричал Краснов и двигатель самолета стрекоча, стал раскручивать тяжелый деревянный винт. Мотор стал набирать обороты и когда его звук превратился в монотонное жужжание, Валерка добавил газ, хвост самолета поднялся, освободив крючок тормоза из зацепления с грунтом. Самолет послушно покатился по мягкому полю, чтобы уже через несколько секунд оторваться от земли и взмыть в небо подальше от всех земных проблем. В этот самый момент отрыва, Валерка и ощущал поистине настоящее наслаждение. Какие-то пушистые шарики катились по всем внутренностям до самых пяток, кишки в животе странно поднимались к диафрагме, вызывая своим перемещением приятный и блаженный зуд. Краснов потянул ручку штурвала и У-2 плавно пошел в набор высоты. Ветер бил в лицо, холодом обжигая открытые участки кожи, незащищенные большими летными очками.

В этот миг, он словно улетал в своем сознании от суровой и даже трагической реальности и только волей подчинял фанерный самолет.

Земля уходила все дальше и дальше, и Валерка, взглянув на уменьшающиеся дома, деревья, машины, людей все сильнее тянул на себя

ручку штурвала, набирая высоту.

Оказавшись один на один с небом, он в те минуты забывал все неприятности, которые оставались там, далеко на земле. Чувство свободного полета, чувство независимости, спускались на него с небес неземной благодатью, и с этим невиданным ощущением он полностью отдавался во власть пилотирования.

«Этажерка», разогнанная силой мотора, падая, входила в вираж. То свечой зависала в воздухе, словно карабкалась на гору, но, не достигнув вершины, тут же срывалась в пропасть, завывая разрезанным плоскостями воздухом. В эти самые минуты, когда кусок фанеры с мотором подчинялся его воле, его разуму, Краснову хотелось просто петь. Он мурлыкал под нос слова популярной песни из кинофильма «Семеро смелых», двигал штурвалом, заставляя учебный У-2 выполнять невысказанные виражи пилотажа.

Город проплывал то справа, то слева. Золоченые купола Успенского собора сменялись красным хребтом крепостной стены смоленского Кремля и ртутным блеском, бежавшего на юг великого батюшки-Днепра.

Валерка до боли в сердце любил свой город, и эти проносящиеся картинки смоленских улиц, парков, мостов над древним Днепром, вселяли в его сердце великую гордость за свою Советскую

Родину. В такие минуты полета он забывался, и только крики инструктора, прорывающиеся сквозь треск мотора и вой винта заставляли его вернуться в мир реальности.

Лейтенант-инструктор, перепуганный смелостью пилотирования Краснова, словно сапожник ругался матом, но после того как самолет благополучно садился на взлетно-посадочную полосу, он глубоко вздохнув, прощал все Валеркины вольности в воздухе, видя в нем рождение нового талантливое летчика-аса.

Валерка еще не знал, что белокурая девчонка, прозванная дворовыми пацанами Леди, с замиранием сердца смотрит за каждым его полетом в театральный бинокль с высокой голубятни. А после каждого маневра Краснова она крестится, причитая пришедшую на её девичий ум молитву, услышанную еще от своей бабки.

— Ежэ иси на небеси... Да святится имя твое!
Да придет воля твоя!

Сохрани раба божьего Валерку! Не дай дураку убиться!

Ей в те минуты было страшно, жутко страшно за того, чье сердце уже полностью принадлежало ей и только ей. В Краснове она видела того единственного и того самого желанного лихого парня, с которым мечтала прожить всю жизнь, с кем мечтала нарожать детей и умереть в один день,

так никогда и не познав горечи разлуки.

Но сегодня, сегодня для всех был день особый, и Ленка чувствовала, что грядут какие-то ужасные перемены, которые заставят по-новому взглянуть на весь этот мир.

Поселок гудел, словно разоренный улей, обсуждая арест Саши Фескина. Старушки, постоянно сидящие на лавочке, уже давно пророчили ему незавидную судьбу уголовного арестанта, выдавливая из себя в его адрес ехидные реплики.

— По тебе Сашка, давно тюрьма плачет!

Фикса делал ужасную гримасу и, передразнивая сквалыжных старух, резко отвечал:

— Не построили еще ту тюрьму, которая по мне зальется горькими слезами!

Пророчество тетки Фрузы сбылось. И когда два милиционера выводили Фиксу из дома в «воронок», бабки, сидящие на лавке, от умиления даже захлопали в ладоши, приветствуя Фескина, словно артиста смоленской филармонии. Тот зло покосился на старух и сквозь зубы прошипел:

— Я еще вернусь! И на моей улице обернется машина с тульскими пряниками! А вам, старые, пусть воздастся сполна за ваше дешевое злорадство.

— Давай вали, вали на свою «Американку» Пряник ты, тульский! — отвечала тетка Фруза, держа руки на своей широкой талии.

Корпус «Американка», Смоленской тюрьмы, был построен еще в 1933 году по американскому проекту. Два здания из красного каленого кирпича в три этажа, высились почти в самом центре города за высоким пятиметровым забором, и своими коваными, железными решетками на следственных камерах наводили ужас на простого обывателя. О смоленской тюрьме, слагались настоящие легенды. Ходил даже слух, что якобы в её подвалах, ежедневно приводятся расстрельные приговоры «Тройки», а по ночам охрана НКВД, в крытых полуторках, вывозит в Красный Бор или дальше, в лес под Катынь, трупы этих самых расстрелянных. Там, в охранной зоне отдыха санатория НКВД, многие расстрелянные, как и сотни польских офицеров нашли в те годы свое последнее пристанище.

За арестом Фиксы, тут же в этот же день последовал арест отца Краснова. Странное совпадение абсолютно разных событий, людской молвой было мгновенно перекручено и объединено в одно целое.

По поселку тут же поползли слухи, что отец Краснова, майор РККА, связан с бандитами и, что это якобы даже он убил из своего нагана заводского кассира, чтобы завладеть деньгами рабочих.

Впервые за все время Валеркиных полетов, Леди, ошарашенная этими событиями, спустилась с

крыши голубятни. Она скромно стояла около Валеркиного подъезда в толпе местных зевак. Лена нервно теребила носовой платок, видя как НКВДешники в галифе и синих фуражках, выводили из дома Валеркиного отца.

Майор Краснов Леонид Петрович, под конвоем двух чекистов гордо вышел из подъезда, держа в руках небольшой узелок с вещами. Он, молча осмотрел собравшихся соседей и, увидев в толпе Леночку, крикнул через плечо стоявшего вокруг «воронка» конвоя:

— Леночка, дочка, береги Валерку, он любит тебя! Я знаю, что это какое-то недоразумение... Я думаю, суд во всем разберется...

В этот момент, стоявший рядом капитан НКВД, ударил майора кулаком в лицо. Леонид Петрович лишь пошатнулся, но не упал. Сплюнув сгусток крови из рассеченной губы, он вытер лицо рукавом гимнастерки и, прищурив глаза, сказал:

— Зря ты так, капитан, на людях-то!

Капитан втолкнул его в машину на заднее сиденье и влез следом. Сквозь еще приоткрытую дверь машины, он грубо выmaterился на собравшийся вокруг народ, и громко, подчеркивая свое превосходство, хлопнул ею. Легковушка заурчала, выкинув из выхлопной трубы небольшое облачко сизого дыма, тронулась с места.

Еще несколько минут после отъезда машины,

народ стоял молча. Непонимание, шок и жуткий нечеловеческий страх печатью отразился на лицах всех соседей. В ту секунду, стоящие около дома люди ощутили, что точно так же как и за майором Красновым, могут приехать за каждым из них. Так же, как и его, будут бить в лицо кулаком и прикладом «трехлинейки», и уже никто не сможет ни спасти, ни помочь.

Мать Валерия сидела на кухне, подперев голову руками. Её глаза уставились в бронзовый кран раковины, из которого капля за каплей вода падала в стоящую в мойке алюминиевую миску. В её руке дымился зажатый между пальцами окурочек папиросы. По отрешенному взгляду, по растрепанным волосам и горящему окурочку «Красноармейских» было видно, что женщина находится в шоке.

Лена тихо вошла в открытую дверь и осмотрела квартиру. Вещи были разбросаны, шкафы раскрыты, книги, ранее стоявшие на полках, кучей лежали на полу.

Лена аккуратно приподняла томик стихов Пушкина и бережно прижала к своей груди, вспоминая, как Валерка читал ей. Войдя на кухню, она увидела Валеркину мать.

Лена тихо поздоровалась, но к своему удивлению заметила, что женщина даже не откликнулась. Она продолжала так же молча

сидеть, не обращая никакого внимания на девчонку, раскачиваясь взад-вперед своим телом, словно маятник от часов.

Ленка, видя неменяемость будущей свекрови, взяла из мойки миску с накапавшей водой, плеснула её прямо в лицо. В тот самый миг женщина очнулась, и, сделав глубокий вздох, сопряженный с каким-то грудным и внутренним хрипом — завывала. Нет, она не плакала, она просто выла — выла, словно верная собака над телом своего умершего хозяина. Её зубы стучали, будто её бил сильнейший озноб, и сквозь этот жуткий стук из её груди вырывался истошный волчий вой. Слезы постепенно появились на её глазах, и Светлана Владимировна перестав выть, заплакала. Ленка присела рядом и облегченно вздохнула. Она обняла свою будущую свекровь за плечи, и, прижавшись к ней, так же пустила слезу горечи.

Валерка после полетов возвращался домой. Соседи по дому и дворовые пацаны молча смотрели ему вслед, ничего не говоря. Лишь странный, предательский шепот слышался за его спиной. Было такое ощущение, что народ сторонится его словно прокаженного или больного смертельной чумой. Идущий рядом с Красновым Синица, крутил своей головой ничего не понимая.

— Слышь, Валерик, а чего это они!? — спросил Синица, глядя на соседей.

— Да хрен их знает, — отвечал Краснов, удивляясь происходящему. — Может, помер кто?

— Да ну ты! Тоже скажешь. Я страсть, как покойников боюсь, — сказал Синица и еще ближе приблизился к Червонцу.

— Дурень ты, Синица, бояться нужно живых, а покойники они самые смирные. Лежит себе в гробу и ему ничего от тебя не надо.

— Нет, все равно боюсь! Я читал, что есть какая-то Дракула, которая тоже была покойником. А потом вдруг ожила и давай из людей пить живую кровушку. Своя-то уже была холодная, вот ему горяченькой и хотелось!

— Дракула — мужик, граф был такой мадьярский или румынский. Он то и пил кровь людскую...

В какой-то миг Краснов остановился, видя, как тетка Фруза при виде его, отвернула свой взгляд. Что-то острое кольнуло в сердце и Валерка, словно пуля влетел на второй этаж. Дверь в квартиру была открыта. Краснов-младший осторожно переступил порог и втянул свое тело в коридор. На кухне сидела заплаканная мать и такая же зареванная Ленка.

— Что случилось, мам? — спросил Валерка, входя на кухню.

При виде его из глаз матери вновь хлынули потоки слез. Следом за матерью заплакала и Леди.

— Да что же тут произошло, скажет мне кто или нет!? — вновь спросил Краснов, уже выходя из себя и срываясь на крик.

— Сыночек, батьку твоего арестовали, — сказала мать, вытирая слезы краем фартука. — НКВД его забрал.

Тут до Валерки дошло то, что говорил ему Сеница. В этот момент к его горлу подкатил какой-то колючий и отвратительный ком. Он словно плотина перекрыл глотку и душил, душил Краснова, подобно пеньковой петле. После недолгой борьбы с временным недугом он вдохнул полной грудью и с каким-то странным гортанным хрипом еле вымолвил:

— Когда!?

— Два часа назад, когда ты в клубе на полетах был.

— А Фескин!? — спросил Краснов.

— Фескин твой, бандит и никакого отношения к папе не имеет, — сказала мать, привстав из-за стола.

— Ничего не понимаю. Сеница говорил, что арестовали Фескина. Причем тут отец!?

— Фескина арестовала милиция из отдела по борьбе с бандитизмом, а отца — чекисты.

Тут до Валерки дошло, что отец-то и стал жертвой какого-то злого навета. Не зря Сеница говорил, что дядя Жора, местный участковый, по

пьянке, выказывал свое недовольство. Якобы Родина и сам товарищ Сталин обделили его, и что он, как милиционер и бывший красноармеец-буденовец, достоин лучшей доли в социалистической стране, за которую он в гражданскую проливал свою кровь. А этот выскочка, военпред Краснов, занимает трехкомнатные апартаменты, да еще на работу на казенной машине ездит и с немцами шашни какие-то заводит, видно Родину им частями продает.

Белая пелена в тот миг накрыла сознание Валерки. Схватившись за дверной косяк, он присел на корточки в дверном проеме. Что-то непонятное и неопределенное крутилось в те секунды мозгу, и картины страшного ареста отца поплыли перед глазами, словно миражи в жаркой пустыне. Не удержавшись на ногах, Валерка упал. В тот миг он вообще не контролировал своих действий. Он всем своим нутром, всей своей душой ощутил ту сыновью боль, которая гложет сердце в минуты скорби по близкому человеку. Словно через толщу воды до его слуха докатился истошный вопль матери. Уже ничего не осознавая, Валерка покатился в черную пропасть, инстинктивно хватая воздух широко открытым ртом.

Видя состояние сына, мать и Ленка бросились к Валерке, желая подхватить его. Но тело

Краснова-младшего обмякло, и он с грохотом упал на пол.

Очнулся Валерка от странного холода, лежавшего на его лбу.

«Тряпка мокрая», — подумал он сквозь пелену, накрывающую его сознание.

Полотенце, пропитанное водой, неприятной холодной влагой касалось лица, подбородка и шеи и это холодное и мерзкое неудобство, привело его в чувство.

Валерка, скинув полотенце, приподнялся. Мать, сидевшая рядом, схватила его за плечи и уложила сына вновь на подушку.

— Лежи сынок! Не стоит подниматься.

— Что со мной? — спросил Валерка, касаясь рукой материнской щеки, по которой текла крупная слеза.

— Ты был в обмороке, — ответила мать и, перехватив руку сына, нежно поцеловала её. Она прижала её к своей щеке и с глазами полными слез, посмотрела ему в глаза. — Отца арестовали по подозрению в шпионаже.

Тут Краснов вспомнил, как Синица говорил о неудовольствии местного участкового дяди Жоры. В эту секунду в его душе словно что-то взорвалось.

— Я убью эту сволочь! Контра белогвардейская! Я знаю, кто написал на него донос. Подонок! — стал выкрикивать Валерка и,

вскочив с дивана, бросил мокрое полотенце на спинку стула. — Я знал, знал, что он настоящая тварь! Прикрывается сука удостоверением, а сам хуже того же вора Залепы! Но тот-то хоть вор в законе, а этот? Это настоящий гад, оборотень в погонах! Днем служит Родине, а по ночам приворовывает из товарных пакгаузов на «сортировке».

— Тихо, тихо не кричи, соседи услышат и донесут этому милиционеру. Будет он потом и на тебя доносы строчить в НКВД. А я, я же не могу потерять двух мужиков, — сказала мать, держа сына за руку.

Краснов-младший был в гневе. Он ходил по комнате взад и вперед и на ходу хватал какие-то вещи. Подержав, он тут же с остервенением бросал на место и вновь продолжал свои движения.

Все эти трагические для семьи Красновых минуты Ленка сидела молча. Она с сочувствием и жутким страхом наблюдала за Валеркой, и опять нервно руками теребила носовой платок, стараясь за этим занятием уйти от горести событий. Ей показалось, что он, её Валерка, как-то мгновенно изменился и даже повзрослел. Из веселого и беззаботного семнадцатилетнего юнца, он в этот миг превратился в настоящего мужика, с печатью силы воли и непоколебимого духа на лице. Оно сделалось суровым, глаза как-то сузились, словно у

хищника в момент охоты на жертву и все в его поведении говорило, что теперь он является материнской опорой и надеждой.

Впервые в жизни Валерка, в присутствии матери, достал из кармана пачку папирос, дунул в гильзу, и с силой сдавив её своими зубами, закурил, хотя раньше никогда не делал этого.

Сидевшая на диване мать, видя сына курящим, удивилась, но ничего не сказала. Она смолчала, поняв в ту самую секунду, что Валерка уже не тот мальчик, которого она нежно целовала в родильном доме и кормила своей грудью. Её сын вырос, и теперь сам решает, что ему делать, как настоящий взрослый мужчина.

— Ты, давно куришь? — спросила она.

— Скоро уже год.

— А если узнает отец? — хотела вдруг сказать мать, но осеклась на последнем слове, вспоминая кошмар сегодняшнего утра.

— Я, наверное, пойду домой? — спросила Ленка, уже привстав со стула.

— Сиди! — властно сказал Краснов-младший и, тронув её за плечо, усадил на место. — Ты, Леночка, сейчас очень нужна мне и матери. Неужели тебе непонятно?

— Хорошо, я побуду у вас еще немного, — покорно ответила Леди, вновь взяв в руки платок и продолжая нервно тереть его.

— Так девушки... Слезами горю не поможешь, а кушать надо. Давай мать, накрывай стол, питаться будем и думать, как нам жить дальше. На сытый желудок оно ведь лучше всего думается, — сказал Валерка словами отца, показывая, что теперь ему предстоит стать во главе семьи Красновых.

В эту самую минуту мать окончательно убедилась, что теперь сын стал главой семьи и теперь только он в состоянии принимать твердые мужские решения. Приподнявшись с дивана, мать глубоко вздохнула и, поправив фартук, впервые за целый день улыбнулась. Подойдя к сыну, она поцеловала его в щеку и сказала:

— А все же, какой ты у меня, уже взрослый — сынок!

Смоленский централ

Следственная камера 83 смоленского централа утопала в табачном дыму. Он, словно туман, висел в пространстве замкнутой комнаты и, перемешиваясь с запахом мочи, исходившей от тюремной «параши», выедал глаза арестантам.

В духоте этой зловещей и жуткой атмосферы кипела совсем другая жизнь. Урки, воры по пояс голые, сидели на верхней наре и азартно резались в самодельные карты, склеенные из тетрадных листов

при помощи прожеванного хлебного мякиша.

Тусклая лампочка Ильича, вмонтированная за решетку в противоположную стену, лишь обозначала присутствие в камере круглосуточного света. Глазок в камеру, он же «волчок» или по-арестански «сучка», раз от разу открывался и в нем появлялось недремлющее око местного вертухая.

— Че, лягавый, зеньки пялишь!? Заваливай к нам, в «буру» скинемся на твои «прахари». Мне как раз по фасону будет в них в Магадан этапом в лагерь канать! — крикнул Фикса заглянувшему в камеру охраннику.

После недолгой паузы от деревянной двери, обитой железом, послышался щелчок. Окно «кормушки», окна для передачи продуктов, открылось и в камеру заглянуло полное и красное лицо вертухая.

— Ты что ли, Саша Фескин? — обратился он к Фиксе.

— Не Фикса, а Ферзь! Понял, мусор!? — сказал он ехидно, перекидывая окуроч «Беломора» из одного уголка рта в другой...

— Такой как ты, Ферзь, может на хер... сесть, — улыбаясь, ответил охранник и, обнажив свои желтые лошадиные зубы, заржал.

— Ты, мусор, за базаром-то следи. Как бы тебя самого на кожаный кинжал не натянули, —

огрызнулся Фескин, улыбаясь. — Скину маляву на волю, и тебя пришьют в подворотне, словно барашка.

— Поди ко мне, Ферзь сраный... Базар у меня к тебе от вора.

Фескин лениво слез со нары и, выплюнув папиросу в парашу, демонстративно вальяжно подвалил к «кормушке».

— Чяво надо, лягавый? — спросил он с чувством блатного гонора и выпустил остатки дыма в лицо охраннику.

— Слушай меня, блатота хренова, — ответил вертухай. — На первом этаже в камере смертников сидит твой поддел — Залепа. Он тебе маляву притаранил. Просил, чтобы ты подсуетился насчет «бациллы» и курехи. Голодно ему на строгаче. Уважь мужика, он же под «вышак» катит. Все на себя гребет. Тебя видно отмазать хочет.

— Базара нет. Для блатного кореша мне ничего не жалко, — сказал Фикса, и незаметно взяв маляву в рот, следом за ней сунул новую папиросу.

Кормушка с грохотом закрылась, и Фикса вновь ловко влез на железную нару.

— Что мусору надо было? — спросил один из уголовников.

Фикса тут же, во всего размаха, ударил его в глаз ногой, да так сильно, что тот слетел со второго яруса на бетонный пол. Фикса кинулся на него,

нанося руками удары по голове.

— Что ты, сука, мне кумовские вопросы задаешь!? Захочу, скажу. Ты, часом, не стукачек засланный? Может ты, какой подсадной или ссученный?

— Да ты что, Ферзь? Я же так, для интересу!

— Для интересу только кошки трахаются, а потом у них котята появляются, — гневно орал Фикса.

Подобные разборки между уголовниками были не редкостью. Почти каждый день в тюрьме кто-то умирал от побоев или был прирезан ночью остро заточенной ложкой. Блатные, как правило, в целях своего лагерного благополучия шли не только по всяким там мужикам, тянущим срок за колосок или килограмм картошки с колхозного поля, но и по трупам. Охране тюрьмы было все равно, сколько преступников за ночь загнулось. Меньше народу — спокойней была вертухайская жизнь!

— Эй, мужики, под нами в камере смертников вор в законе Залепа чалится. Ему по Сталинскому указу вышак светит за то, что копилку заводскую на гоп-стоп поставил. Голодно ему, кишка гнетет, а по хозяйской пайке и подыхать в облом. Соберите каторжанину «грев»: «бациллы», да табачку ядреного. Пусть Залепа, перед концом хавчика сытного хапнет. С набитой кишкой оно и подыхать

веселее!!!

После слов сказанных Фиксой, мужики молча полезли в баулы. Кто достал горсть ржаных сухарей, кто сала, кто самосада рубленого вручную. Весь нехитрый мужицкий скарб перекочевывал на Фиксину «шконку», где тот умело закручивал «грев» в листы старых газет. После чего, разогрев в кружке парафиновую свечу, обильно смочил связанные колбаски каторжанского «грева» в расплавленном парафине.

— Ферзь, коня тащить или ногами перебросим? — спросил Сивый.

— Тяни Сивый, коня! А ты, ханыга, давай лезь на «парашу», — сказал он сидящему на первой наре бичу неряшливого вида. — Будешь толчок откачивать.

Хилый дедок с козлиной бородкой подошел к «параше» и трижды кружкой ударил по чугунному стояку. После чего, дождавшись ответа снизу, вытащил из-под умывальника старую шапку-ушанку и, взяв её в руку, словно поршнем резко выдавил воду из очка. Фикса встал на колени и проорал в освобожденное от воды очко сортира.

— Эй, Залепа, кидай коня на четыре метра!

Из чугунного стояка гулко, словно из преисподней, послышалось:

— Понял... Готов!

— Давай, Хирувим, коня.

Сивый, откуда-то из-под нары, вытянул плетеную из шерстяных носков и свитеров самодельную веревку. К концу веревки были привязаны щепки, наструганные из продуктового ящика. Щепки располагались таким образом, что расстояние между ними было примерно не более десяти сантиметров.

Фикса аккуратно просунул в очко параши веревку, скрутив её там кольцами по периметру трубы. После чего, взяв ведро с суточным запасом воды, резко вылил её в трубу. Вережка, уносимая её потоком, полетела на нижний этаж по чугунному стояку. От завихрения, создаваемого этим водяным потоком, щепки начали вращаться, наматывая веревки с третьего и первого этажа. В какой-то миг веревки перекрутившись, сцепились намертво.

— Есть! — заорал Фикса, натянув «коня», словно леску с попавшей на неё рыбой.

Зацепив «грев», он подал сигнал, и вор в законе Залепа, через чугунный стояк тюремной канализации, потянул в свою камеру сало, табак, сухари, спички и прочую каторжанскую утварь, запрещенную в камере смертников. Следом за отправленным «гревом» обратно от Залепы вернулась и предсмертная «малява».

Фикса снял с «коня» «маляву» и, подойдя ближе к окну, прочитал:

Прогон.

— Всем вора́м, цветным, фраерам, шныря́м, сукам, чушка́м и петушка́м. Братя́ каторжа́не и вся кичмановская босота. Я, вор в законе Залепа-Смоленский, коронованный три года назад в центре Находки самими вора́ми Семей-тульским и Гурамом-ростовским. Меня́ ждет «стенка» и мои пятки уже смазаны зеленкой. В свой последний час, хочу проститься с вами и пожелать форта в деле нашем. Каторжа́не, суки легавые спят и видят, как мы будем шинковать заточками на зонах друг друга в сучьих войнах. Я призываю вас всех «чалиться» правильно и на сучьи привады не клевать. Уважать то, что старыми вора́ми создано было. Мужиков, шнырей и шпилевых фуфлыжников по беспредельно не опускать, ибо петухов и козлов на зонах и так хватает. С того момента, как мне суки мусора намажут зеленкой пятки, углом на «Американке» советую назначить Ферзя из хаты 83. Рамсить и держать общак доверяю ему. Прогон этот скинуть по всем хатам, бурам, трюмам и этапам.

Залепа-Смоленский

— Я, че-то, не понял!? — взвился один из каторжан по кличке Синий. — Ты, фраер дешевый, на зону ни одной ходки не имеешь, а в цветные лезешь! Ты, урка, сперва баланды лагерной вдоволь хлебни, а потом мни себя положенцем правильным...

Эти слова, сказанные каким-то «бакланом», больно тронули душу Фескина, и он, не удержавшись от обидных слов, в долю секунды выхватил заточку из-подушки и воткнул её в глотку Синему.

Синий захрипел, и кровь пузырями мгновенно заклокотала из раны. Он схватился за горло, желая заткнуть рану ладонью, но его ноги подкосились, и он рухнул задницей на бетонный пол камеры. Синий сидел полу, опершись спиной на шконку, а кровь, черная и густая, обильно текла из пробитого горла, прямо на купола собора наколотого на груди. Он, задыхаясь, корчился от боли и хрипел, выкатив свои глаза из орбит. Воздух вместе со стоном выходил из пробитого в горле отверстия, и из-за этого все слова превращались в забавный свист и странное бульканье.

Свою кличку Синий получил за цвет кожи. На его теле, наверное, не осталось ни одного свободного места, которое не было бы покрыто

татуировками. Купола храмов, ангелы и прочая церковная лабуда перемешивались с русалками и змеями, которые своими телами обвивали кинжалы. Довольно примитивные рисунки покрывали всего Синего и этот винегрет, даже у первоходов вызывал только смех и никакого интереса и страха.

Фикса, подойдя к двери камеры, ногой постучал в нее. На его стук не спеша подошел дежурный вертухай и, открыв, спросил:

— Чяго тебе, урка, надо?

— Веди лепилу, мусор, у нас один крендель вскрылся. Прокатал сука фуфлыжник в карты и решил таким макарком с хаты свалить на больничку.

— Он еще не зажмурился?

— Нет, но уже скоро, наверное, кони нарежет, — сказал Фикса, без всякого чувства сострадания к сокамернику.

За дверью послышался трубный и гулкий голос вертухая.

— Васька, Васька сука, давай санитар в восемь три, шпилевой вскрылся. Видно большие бабки братве продул, сучара!

Через несколько минут, гроыхая замками, дверь камеры открылась. Два шныря с носилками из тюремной обслуги вошли в хату и замерли в ожидании вердикта санитаря.

— Чего стоим, грузим и на больничку, — сказал санитар, перевязав глотку Синему, который

уже от потери крови был бледен, словно простынь первой категории.

Шныри, хлюпая «гадами» по луже крови на полу, кинули тело арестанта на носилки и уже хотели вынести его вперед ногами, как стоящий возле двери вертухай, проорал:

— Вы шо, петухи, он же еще живой! Давай разворачивай оглобли!

Шныри послушно развернули носилки и вынесли его из камеры.

— Фескин, что мне сказать корпусному? — спросил вертухай, закрывая двери.

— Вскрылся фраер, — ответил Фескин, и незаметно сунул охраннику в руку червонец.

— Заметано! — ответил охранник и закрыл тяжелые кованые двери.

— Ну что, босота! Все в курсах, что прогон по киче нужно раскидать? — спросил сокамерников Фескин, предчувствуя, что с этой минуты он уже наделен воровской властью.

Уже через несколько минут прогон, написанный Залепой, копировался арестантами. Дед, по кличке Хирувим, плевал на химический карандаш и старательно своим желтым от табака пальцем выводил на клочках бумаги то, что написал вор. Как только работа была сделана, несколько «воровских прогонов» двинулись по тюрьме различными путями. Некоторые с помощью

хлебного мякиша крепились к днищу алюминиевых мисок, выдаваемых «баландерами» в обед, другие, с помощью «коней», перебрасывались в соседние камеры через решетки.

Со стороны можно было наблюдать, как десятки нитей опутали наружную сторону тюрьмы и по этим нитям, словно по дорогам, двигались «малявы» из одной камеры в другую. Вертухай бегали вокруг корпуса с длинным шестом, вооруженным металлическим крючком, и обрывали «дороги» наведенные арестантами. Но взамен оборванных, вновь и вновь появлялись новые, и вся эта круговерть продолжалась бесконечно, сводя усилия вертухаев на нет.

К вечеру того же дня, когда «воровской прогон» уже достиг почти всех камер тюрьмы, двери в хату восемь три с лязгом открылась, и в дверном проеме появились двое НКВДешников, пристально в полумраке осматривая заключенных из-под козырьков своих синих фуражек.

— Что зеньки лупишь, мусор? — послышался голос Сивого. — Говори, че надо!

— Фескин! — обратился охранник. — На выход!

— С хотулями?

— Нет! Пока без хотулей! Кум зовет! — сказал вертухай. — Базарить будет по душам.

Фескин слез с нары и, накидывая на ходу

рубашку, вышел из камеры, заложив руки за спину.

— Лицом к стене! — скомандовал один из охранников.

Фескин послушно повернулся лицом к стене, продолжая держать руки за спиной. Один из охранников ощупал его одежду сверху вниз, а другой тем временем закрыл камеру и ткнул большим ключом его в бок.

— Вперед! — скомандовал властный голос охранника, и Саша Фескин под конвоем вступил на чугунную лестницу, ведущую на первый этаж.

Корпус «Американки» напоминал большой квадратный стакан из красного кирпича. Огромные стеклянные окна с первого по третий этаж находились напротив друг друга. По периметру трех этажей выступал металлический балкон с перилами. По центру тюрьмы с первого этажа шла широкая чугунная лестница. На каждом этаже находилось порядка 30 камер, в которых шла своя уголовная жизнь.

Кабинет «кума», как называли «урки», начальника оперативной службы тюрьмы, располагался на первом этаже. Идущий впереди охранник, открыл двери в кабинет и доложил по уставу:

— Товарищ майор, заключенный Фескин, по вашему приказанию доставлен!

— Давай сержант, заводи нового

положенца, — сказал майор. — Хочу на нового пахана взглянуть. Цвет блатного мира, мать его...

— Вперед! — скомандовал вертухай, толкнув Фиксу в спину.

— Ну что, Фескин Саша-Ферзь, проходи, присаживайс, — сказал майор и указал на стул, прикрученный шурупами к полу.

Фескин, сев на стул, закинул ногу на ногу. Его растоптанные ботинки без шнурков вывалили свои языки, обнажив голые, без носков ноги. На правой ноге, на косточке красовалась татуировка паука, что говорило о его принадлежности к воровской, то бишь блатной масти.

— Что, начальник, надо!? — нагло спросил Фескин.

— Я слышал, ты сегодня в паханы произведен!? — спросил кум, присаживаясь за стол напротив Фескина.

— А че, вам в падлу мое положение? Решил, начальник, с первого дня меня под пресс? Да я плевать хотел на твой пресс! Я выбрал свою каторжанскую долю, вот и буду тянуть срок, как путевому пацану полагается, — сказал Фикса, почесывая под мышкой укусы клопов и бельевых вшей, кишаших в одежде арестантов.

Майор улыбнулся и, открыв стол, достал пачку папирос, кинув их перед арестованным.

— Закуривай!

Фескин взял пачку и, вытащив папиросу, дунул в гильзу со свистом, затем сжал её зубами и прикурил. Несколько раз он языком перевел папиросу из одного уголка рта в другой, стараясь этим показать свой гонор.

Майор улыбнулся и сказал:

— Ты, себя в зеркало видел? Что ты тут куражишься передо мной, словно вошь лобковая на гребешке? Я тебе что, фраер дешевый!? — спросил майор, видя как Фескин, изгаляется перед ним.

— А че!?

— А не че! Хер тебе через плечо! Ты, сопляк, когда еще мамкину юбку держал своей ручкой, я уже банду братьев Левшовых громил... Мне базарить с настоящими ворами намного приятней, чем с дворовой шантрапой. Если бы твой подельник, не был сам Залепа-Смоленский, то сидел бы ты сейчас в семь шесть и кукарекал на параше, как живой будильник. А так гонор из тебя воровской попер! А ведь ты, Фикса, не вор, ты, скорее «баклан»...

— Обоснуй начальник! А то я сейчас...

— Ты, сейчас можешь угодить только в БУР. Посидишь на киче, на воде и хлебе, вот тогда и поймешь, что с кумом дружить нужно, а не лаяться. Я чул, что тебя Залепа сделал паханом?

— Было! — коротко ответил Фескин.

— А ты, знаешь, что все положенцы с нами

дружат?

— Ты, че начальник, туфту гонишь? Я в твои байки не верю! Чтобы блатные на кума шпилили, да мусорам стучали, как суки лагерные? Че-то тут ты, фуфлишь, — сказал Фескин, пыхтя папирсой.

— Тебя стучать никто не заставляет, у нас своих стукачей хватает, а вот махновщину пресекать, это уже браток твоя забота. Сам Залепа тебе зеленую дал... Так вот и уважь вора, делай то, что он просит. Мужика не гнобить, поборами не заниматься. Петухов не обижать. Да и с суками на ножах не сходитьсь... А то и они могут пырнуть в бане в кадык, как ты Синего, хрен оклемаешься. Что думаешь, я не знаю, кто ему заточку в глотку воткнул?

«Синий, сука продал», — подумал Фескин и тут же сказал. — А не хрен было ему мою матушку вспоминать! Вот и нарвался сука на заточку...

— Не в Синем дело, Фикса! Ты теперь преемник вора на «Американке», теперь тебе суждено рамсить с босотой. Я не хочу, чтобы тебя в зоне на заточки подняли за махновщину...

На какое-то время Ферзь задумался. В словах мусора была заложена истина, от которой ему самому уйти было невозможно. Не смотря на свои восемнадцать лет, он уже имел положение в тюремной иерархии, что давало ему перспективы карьерного роста в настоящие вору в законе.

— Я понял тебя, начальник, — сказал Фескин и, взяв со стола пачку «Беломора», сунул её себе в карман.

— Для начала хочу тебя предупредить, что сученые тебе жизни не дадут. Так что подтягивай к себе «торпед с огромными кувалдами», которые масть воровскую охранять будут. Для меня ведь самое главное, чтобы вы на корпусе не баловали. А когда на этап, на зону пойдете, то там дело конвоя... Они долго не цацкаются, за малейший косяк, пуля в лоб и на цвинтар с номером уголовного дела на пятке, понял?

— Блефуешь, начальник! Я по базарам знаю, какая жизнь на зоне! Залепа в Магадане рыжые мыл! Там, за хороший кусок рыжухи и пайка баланды двойная и срок косят на треть.

— Косят, косят, да только сукам и мужикам, а такого блатного брата как ты, держат в отдельных бараках. Вам же вора́м работать в падлу. Вот только тем приписочкам, по трудодню, которыми вы раньше занимались и за которые срока вам резались, пришел конец. Работяги теперь, от воров и блатных, в других бараках чалятся, и пахать на вас не будут...

— Я, начальник, вор, и как мне предписано судьбой, так пусть оно и будет, — сказал Фикса. — Время покажет и рассудит...

Майор нажал кнопку под столом и в кабинет

вошел сержант-вертухай.

— Вызывали!?

— Да, Васильев, веди этого босяка в камеру. Пусть еще ума набирается. Придет время, сам на стрелку напросится, — сказал майор, закинув хромовые сапоги на стол.

Вертухай подошел к Фиксе и сказал:

— Руки за спину... Вперед!

Повинуясь охраннику, Саша Фескин скрестил свои руки за спиной и вышел из кабинета.

Он шел, глядя на свои ботинки, из которых так и норовили выскочить его босые ноги. Хлопая «гадами» по чугунной лестнице, Фескин поднимался вверх в сопровождении вертухая. Вдруг на площадке второго этажа он столкнулся, до боли знакомым ему человеком, который, так же как и он шел под конвоем. В одно мгновение он узнал отца своего заклятого врага Краснова. Да, несомненно, это был отец Червонца. Поравнявшись с ним, Фикса поздоровался:

— Здравствуйте, Леонид Петрович, — сказал Фескин, улыбаясь на всю ширину рта.

— А, Саша, здравствуй, здравствуй! — ответил Краснов. — Ты как здесь?

— Что ты лыбу давишь, профура? — и тут же ногой от конвоирующего вертухая получил в бок хромовым сапогом.

— Ты че, сука, мент делаешь? — заорал

Фескин и, опустившись на колени, нанес удар в пах охраннику. Тот взвыл от боли и, схватившись за свои яйца, присел. Второй охранник, стоявший за спиной «положенца», сжав связку ключей от камер, со всего размаха ударил ими Сашку по голове. Фонтан искр и нестерпимая боль прокатились от затылка до самых пяток. Фескин упал, и уже четыре хромовых сапога стали избивать его, лежащего на площадке между этажами.

— Что же вы, мужики, делаете? — вступился Краснов, и ударил одного из вертухаев в челюсть.

Краем глаза Сашка видел, как отец его недруга, его врага Валерки Краснова, тянет за него «мазу». Что было после, он уже не помнил. Что-то очень тяжелое опустилось на его лицо, и он в тот же миг сорвался в черную бездну беспомощности.

Очнулся Фикса от жуткого холода, тело бил озноб. Сквозь залитые запекшейся кровью щели глаз, он осмотрелся и увидел лежащего рядом мужика, который дышал, словно собака на летнем солнцепеке. Вся его голова напоминала большой кусок фарша. Сквозь короткие волосы просматривались многочисленные раны, которые были залиты черной засохшей кровью.

«Вляпался», — подумал Фескин и, превозмогая боль, сел на дощатый настил. Достав пачку «Беломора», изъятую у кума, он закурил. Голова ужасно болела. Кровь от раны окрасила всю

рубаху, из-за чего та стала словно фанерная.

— Вот же суки, как бьют больно! — сказал сам себе Фескин. — Эй ты, мужик, где я? — спросил он лежащего рядом человека.

Тот ничего не ответил.

— Ты часом не нарезал кони? — вновь спросил Фескин и толкнул его в бок. Вместо ответа он услышал глухой грудной стон. Из любопытства, Сашка перевернул мужика и узнал отца Краснова.

Это он бил вертухаев, когда те накиннулись на новоявленного блатного положенца. Это он, тот летчик-майор РККА, в которого еще с детства он был влюблен, как в эталон настоящего мужчины.

Сашка рос без отца и всегда завидовал Валерке Краснову, что его отец командир-летчик ВВС РККА, которого даже возят на работу в черной машине. Который учит Валерку стрелять из нагана, и от этой зависти он еще больше ненавидел Червонца, ненавидел их любовь с Ленкой. Да и связался с вором Залепой только из-за этой злой зависти-ненависти, чтобы доказать, что он круче, что он сильнее.

Непонятка овладела его сознанием, и он коснулся своей рукой щеки бывшего майора, которая за месяц поросла грубой щетиной. В эту секунду в его сознании что-то перевернулось. Блатной гонор растаял, словно утренний туман, а сердце сжалось от сострадания к Леониду

Петровичу.

Несколько раз подряд Фикса затянулся, словно обдумывая план своих действий и, втянув последний раз табачный дым, бросил окурок на пол. К своему удивлению он услышал, что окурок упал с каким-то странным шипением. Приглядевшись, Фикса увидел, что черная вода залила половину камеры. При свете тусклой лампочки и света исходившего из маленького окна, он увидел вздувшиеся трупы крыс, которые плавали на поверхности, словно рыбацкие поплавки. Вперемешку с крысами на поверхности прорисовывались странные колбаски цилиндрической формы.

— Говно, говно, это же говно! — заорал он и, дотянувшись с настила до двери, стукнул в неё ногой. Ботинок без шнурков, сорвался с ноги и, хлюпнув, упал в воду, присоединяясь к дохлым крысам и человеческому дерьму и влившись в их зловонный коллектив.

— Сука, сука, сука!!! — заорал взбешенный Фикса.

В этот момент, что-то заурчало, захлюпало и, взглядевшись в темный угол камеры, Сашка заметил, как из разбитого чугунного стояка тюремной канализации вывалились новые порции свежего человеческого дерьма, которое тут же поплыло по камере.

— Суки, суки, хорош срать! — заорал он и, сняв оставшийся ботинок, стал неистово стучать им в стену, надеясь что его кто-то услышит.

Лежавший на настиле майор Краснов вновь застонал, и сквозь стон, сквозь какой-то гортанный хрип еле прошептал:

— Пить, пить...

Фикса вновь закурил, стараясь осмыслить сложившуюся ситуацию. В голове была только одна мысль, она крутилась, словно акробат на перекладине, не давая его разуму покоя. Валеркин отец и он... Это было каким-то сном, какой-то страшной шуткой его воровской судьбы.

До крана с холодной и чистой водой было всего два метра. Она текла фактически не переставая, но чтобы достать её, чтобы утолить свою жажду и спасти отца этого «ботаника и хлюпика Валерки Краснова, нужно было сейчас вступить своей ногой в это дерьмо, которое плавало по всей камере. Представив себя по колено в вонючем говне, Фиксу даже стошнило. Он вскочил и, встав на четвереньки на краю настила, стал блевать, возвращая скудную тюремную баланду. Рвотные спазмы стали вырывать из него куски кишек, остатки тюремной пайки, и то жалкое количество желудочного сока, который еще не успел переварить скудную пищу. Его сердце в этот миг колотилось в бешеном ритме, и, не смотря на

жуткий холод, обосновавшийся в этой камере, его пробил пот.

— Пить, пить... — вновь простонал майор Краснов.

И этот его стон еще больше натягивал Фиксины душевные струны. Сейчас он мог попросту отвернуться от него, мог отказать в помощи и даже задушить этого побитого вертухаями майора. Он мог вообще не обращать на него никакого внимания.

Пустьдохнет... Пустьсебедохнет,ведьон, без пяти минут вор в законе знал, что ни местная Каторжане, ни его блатные кореша, никогда не осудили бы его за этот поступок. С другой стороны — как же Валерка!? Хоть он и был его враг детства, хоть он и увел у него самую красивую девушку на свете — Ленку, все же, в душе Сашки Фескина, в его сердце было то, что толкало его к этому крану с водой, не смотря даже на плавающие по камере человеческие фекалии.

Фикса знал, что на смоленском центре есть такая хата, где жажда и голод ломали человека, заставляя его опускаться не только в дерьмо, но и духом, и подписывать то, что гарантировало арестанту глоток свежего воздуха, да чистой воды. Сашка не знал, да, наверное, не верил, что сам может угодить в это место, и это как назло свершилось.

— Пить, — чуть тише простонал майор, и Фикса понял, что сейчас время пошло уже на минуты.

Взяв в руки лежащую на настиле пустую консервную банку, он уверенно закатал свои штаны и, противясь этому всей душой, стал медленно опускать ногу в эту зловонную жижу. Вновь рвота подкатила к его горлу, вновь спазмы начали выворачивать его кишки наизнанку, но Фикса усилием воли уверенно опускал и опускал в это вонючее дерьмо свою ногу все глубже и глубже. Ощувив голой пяткой дно, он встал и почувствовал, как стародавние и уже разложившиеся человеческие испражнения, словно глина скользнули меж его пальцев.

— Суки! — заорал он от пробившегося на волю психоза, резко опустил вторую ногу, как бы желая доказать, что даже это вонючее дерьмо, эти вздувшиеся теладохлых крыс не смогут удержать его от поистине праведного поступка и сломить его волю настоящего жигана.

Приступы рвоты прекратились, и он слегка оклемавшись от этой мерзости, сжал двумя пальцами свой нос и уверенно сделал первый шаг. Затем второй, третий... Вот и кран с водой уже совсем близок. Осталось дотянуться до него всего лишь рукой. Но фекалии, эти скользкие и мерзкие фекалии, и крысы, обволокли его ноги. Они

плавали, касаясь его ног, что вызывало в его душе неопишное отвращение.

Сделав над собой последнее усилие, Фикса все же дотянулся до крана. Он отмыл руки, умыл лицо, смывая с себя запекающуюся кровь и, сполоснув банку, набрал в неё чистой и холодной воды.

В таком замкнутом темном пространстве было непонятно, что сейчас ночь или день. Лампочка Ильича светила круглосуточно и только этот свет был еще признаком жизни.

Напоив Леонида Петровича, Сашка остатками воды омыл свои ноги. Но этого жалкого количества было мало, и он ощутил, как это зловонье впитывается в его кожу и даже в саму кровь. Как оно бежит по венам, заставляя вонять дерьмом весь организм.

— Хрен вам! — прошептал себе под нос Фескин. — Хрен вы, суки, меня сломаете! Пусть я даже сдохну в этом отстойнике... Пусть я сгнию, но никогда не встану перед вами на колени, мусора, — сказал он себе.

Закурив, он сел на деревянный настил и свесил ноги, чтобы не пачкать свою каторжанскую «кровать». В его голове поплыли воспоминания, которые были связаны с Валеркой. Он вспомнил, как вызвал «ботаника» на дуэль, как бил его в подворотне за Ленку. Как «ботаник», этот папенькин сынок, навесил ему тоже, и он валялся в

пыли рядом с футбольным полем. От этих воспоминаний на душе стало грустно.

В душе что-то щелкнуло и он, он без пяти минут вор в законе, простил Валерку. В ту секунду он понял, что ближе «ботаника» Краснова, ближе Ленки у него никого нет. От этих ностальгических воспоминаний, по его щеке покатилась слеза.

Сашка подумал: «Разве могут эти воры, эти блатные и фраера, быть такими близкими, такими родными? Разве могут они понять, что такое настоящая дружба, настоящая любовь. Это намного сильнее, чем вся эта тюремная романтика. Здесь в этой волчьей стае, каждый норовит воткнуть в спину заточку и занять свое место ближе к лагерной кормушке. Только здесь, в тюрьме, царит закон курятника — отпихни ближнего, обгадь нижнего, а сам, сам всегда стремись наверх».

Все эти философские размышления настолько овладели его сознанием, что он даже забыл о том дерьме, в котором только что плавал сам.

Стук открывающейся «кормушки» вернул Сашку в реальность.

— Эй, блатота, ты еще жив!? — спросил голос красномордого вертухая.

— Жив.

— А этот, враг советского народа!? — вновь спросил голос.

— Этот тоже жив, — ответил Фескин.

— Лучше бы загнулся, его все равно вышак ждет, — сказал голос. — На вот, держи!

За дверью послышался звон черпака о бачок.

Через секунду в маленькое окошечко в двери просунулась рука с алюминиевой миской. Сашка, не обращая внимания на фекалии, опустил в воду свои ноги и уже без всякой тошноты и брезгливости подошел к двери. Взяв миску с баландой, он поставил её на настил. Затем еще одну. Две краюхи черного с опилками хлеба, были завернуты в газету.

— А весла!? — спросил Фескин.

— В «трюме» весла не полагаются, — ответил голос, и «кормушка» с грохотом закрылась.

— Суки, суки! — крикнул Сашка вслед уходящему вертухаю. — Позови мне корпусного! Я хочу с «кумом» потарахтеть...

За дверью гулко прозвучал голос:

— Ладно!

— Эй, Петрович, вставай, пайка приехала, подкрепись, — сказал Фескин, трогая Краснова за ногу. Тот, простонав, слегка приподнялся на локти.

— Петрович, хавчик прибыл, поешь! Тебе, батя, силы нужны, а то так можно сдохнуть.

Краснов еле-еле подтянул свое тело к стене и оперся на выступающие цементные бугры «шубы».

— У тебя, Саша, курить есть? — спросил он, придя в себя.

— Есть, Петрович, есть! — обрадовался

Фескин воскрешению майора. — Только давай, сперва похавай, а потом мы с тобой покурим.

— А тут что, еще жрать дают? — спросил Краснов.

— Ага, дают, вот только, как у вас — у летчиков.

— Это как?

— А так, сегодня день — летный, завтра день — пролетный. Сегодня — летный, а завтра — пролетный, — повторил Фикса.

— Вот же суки, как бьют больно, — сказал Краснов и потрогал свою голову.

— Сапогами видно били. Мне тоже досталось — мама, не горюй!

— А что это так воняет? — спросил майор.

— А это Петрович, дерьмо. Мы тут по уши в настоящем дерьме, — сказал Сашка.

Краснов закинул голову, опершись ей на стену, и на мгновение закрыл глаза, стараясь вспомнить все то, что произошло. Сашка подал ему миску.

— Держи Петрович, баланду.

Краснов открыл глаза и дрожащими руками взял миску с нехитрым тюремным варевом из картошки и затхлой квашеной капусты.

— Ложка есть? — спросил он.

Сашка видя, что отец Валерки окончательно оклемался, улыбнулся ему и сказал:

— А тут Петрович, весла не положены. Хлебай так, через борт. На вот, держи, еще пайка хлеба есть.

Дрожащими руками майор Краснов взял миску и поднес её ко рту. Его зубы коснулись края алюминиевой «шлемки», и до Фиксы дошел стук его зубов о миску. Поставив свою пайку на настил, Сашка взял миску Краснова и стал кормить его со своих рук. Краснов стербал суп вспухшими губами и, не жуя, глотал гнилые вареные капустные листья. Опустошив посуду, он взял в руку кусок хлеба и стал есть его, отщипывая от «птюхи» маленькие кусочки.

Фикса, видя, что майор пришел в себя, принялся, есть сам. Одним махом он заглотил остывшее содержимое своей миски, откусывая между глотками большие куски тюремной «черняшки».

Ели молча. После того, как все до последней крошки было съедено, Фикса покрутил ладонью по животу и сказал:

— Хорошо, но ведь, сука, мало! Я же цветущий организм и мне нужен рост!

— А я наелся, — тихо ответил майор Краснов. — Давай Саша, закурим, ты, же обещал...

— Ах да, — опомнился Фикса, и достал папиросы. Щелчком он выбил из пачки пару папирос и протянул пачку Краснову. Закурили...

Дым табака на какое-то мгновение перебил запах, исходящий из-под настила.

— А ты, почему без обуви? — спросил Краснов, глядя, как Фескин вытянул свои босые ноги.

— Да у меня «гад» в дерьмо нырнул. Я брезгую туда руками лезть.

— А ногами же ходишь?

— А что ногами? Ноги то они ведь из жопы растут, им привычной такая атмосфера.

Превозмогая боль, пронзившую все тело, Краснов засмеялся. От такой шутки на душе стало значительно легче. Силы понемногу стали возвращаться в его разбитое тело.

— Говоришь ноги из жопы, растут? — переспросил майор. — Поэтому они и к дерьму привычные?

— Ага, Петрович, привычные!

Краснов вновь залился смехом, хоть это было довольно больно. Отбитый ногами охранников живот болел от каждого вздоха, а тут такая нагрузка.

— Философия у тебя железная, — сказал майор, держась за пресс. — Как ты, думаешь, мы тут надолго?

— Не знаю. Обычно суток пятнадцать держат, — спокойно ответил Фескин, затягиваясь папиросой.

— А сколько времени прошло?

— А хрен его знает. Тут разве можно сориентироваться. Что день, что ночь. Судя по пайке, мы сидим или один, или два дня.

В те минуты ни Фескин, ни Краснов не знали, что их заточение длится уже третьи сутки. Время вытянулось в одну сплошную линию, и поэтому было трудно определить, где начало, а где конец. Чувство голода тоже ни о чем не могло говорить, так как с момента ареста и заключения под стражу, это чувство всегда преследует арестанта до конца его срока.

— А ты, как тут оказался? — спросил Краснов.

— Замели меня легавые, — нехотя ответил Сашка.

Ему сейчас было стыдно сказать майору Краснову, что он вместе с Залепой-Смоленским, взял на «скок» кассу авиационного завода, где Краснов работал военпредом. Ему было стыдно, и поэтому он не хотел говорить об этом.

Фикса слышал, как вертухай сказал, что этого врага народа все равно приговорят к вышке. Он знал, поэтому ничего и не хотел говорить. Не должен, не должен Краснов знать, что он, Сашка Фескин, без пяти минут вор в законе, покушался на деньги рабочих.

— А вас, Петрович, за что?

— Меня, Саша, обвинили шпионом. Говорят, я Родину продал и на немцев работаю.

— Это же бред!

— Бред не бред, но кому-то это нужно. Немцы к нам на завод каждый год приезжали и приезжают. У них договоренность с Наркоматом обороны. Вот только я слышал, Саша, что война с немцами неизбежна. Сталин оттягивает время, как может, чтобы перевооружить Красную армию. Но ведь у немцев тоже разведчиков хватает. Они-то Гитлеру их сраному тоже докладывают о нашем перевооружении.

— А я, Петрович, в политику не лезу. Вон вашего брата сколько сидит... Полная тюрьма. В каждой хате по несколько человек лишних. Каждую ночь в подвале расстрельные приговоры в исполнение приводятся. Мочат народ русский — мама, не горюй! Я не хочу под вышку. Лучше быть блатным вором, чем политическим жмуром. Во!

— Это, Саша, ты говоришь правильно. Да и философия твоя мне понятна. Ноги они ведь из жопы растут, поэтому их в дерьмо можно ставить смело. А раз в дерьмо наступишь, то всю жизнь оно вонять будет, жизни не хватит отмыться.

Фескин посмотрел на свои ноги, почесал под мышками, разгоняя собравшихся там на собрание вшей.

— Я, Саша, это образно говорю! Натуральное

говно в бане отмоешь, а вот внутреннее... То, которое внутри, его никогда... Оно вечно. А люди, люди они чувствуют, в ком этого дерьма много, а в ком...

— А я понял, Петрович, — перебил его Фескин и задумался.

Он стал размышлять над словами сказанными Красновым. Как-то само собой он вновь вытащил папиросы и предложил майору. Краснов отказываться не стал, видно предчувствие скорого конца не отпускало его ни на миг. Вот и хотел Валеркин отец жить на полную катушку даже среди этого вонючего болота.

Сколько прошло времени, было неизвестно. Дверь в камеру открылась, и в его проеме показался «кум». Он стоял с видом хозяина, широко расставив свои ноги. Хромовые сапоги были начищены до зеркального блеска. Синие галифе были выглажены так, что об них можно было порезать пальцы. Новая портупья с наганом в кобуре перепоясывала такую же новенькую шевьетовую гимнастерку.

— Ну что, авторитетик, ты созрел для нашего базара? — спросил начальник оперативной службы тюрьмы. — В говне сидишь по самые уши? Я слышал, ты хочешь со мной поговорить?

Фескин взглянул на кума и сказал:

— Знаешь, начальник, — это говно отмыть в бане можно. Страшнее то, которое внутри. Его

отмыть ни одной жизни не хватит, — гордо ответил Фескин, повторяя слова Краснова. — Ты, начальник, «лепилу» приторань, а то этот майор загнется, — продолжил Фескин, и кивком указал на лежащего политарестанта. Он рассчитывал, что сможет через санитаря передать в камеру «маляву», в которой обрисует всю ситуацию, в которой оказался.

— Ему «лепила» не нужен! Этому немецкому шпиону и так осталось жить до приговора «тройки». Чекисты на него уже собрали досье по 58-1а. Осталось только в трибунал передать и — все! Эй, майор, ты повремени подыхать-то, тебе завтра с делом знакомиться, — сказал «кум» через плечо Фескина. — Так что, Ферзь, будешь с администрацией дружить?

— Хрен возьмешь, начальник, Сашу Ферзя! — сказал Фескин и, согнув руку в локте, другой рукой стукнул по внутренней стороне, показывая такой русский хер.

— Ну что ж, тогда посиди еще в этом дерьме суток пять, может до тебя дойдет. Не таких воров ломали...

Кум плюнул себе под ноги, и дверь в камеру закрылась. В ней вновь стало темно и тихо.

— Слушай, Петрович, нам надо что-то делать. Эти вертухай нас тут сгноят. Это факт...

— Бежать, что ли? — спросил Краснов.

— Да отсюда ты, хрен на лыжи встанешь. Я просто хочу связаться по тюремному «телефону» и организовать нам с тобой нехилый «грев». Жрать хочу, как медведь бороться.

Сказанные опером слова очень тронули Краснова. Он знал, что за «измену» Родине, которую ему вменяют, он точно получит расстрел. Еще были свежи в памяти репрессии над Тухачевским, Якиром, Рокоссовским. Так-то были боевые генералы, которым немалые сроки дали, что уж говорить о сотнях и тысячах простых майорах и капитанах, расстрелянных по доносам своих же сослуживцев.

Времени оставалось очень мало, и он решил через Фиксу передать весточку жене и сыну.

— Саша, у нас, наверное, есть еще пару дней. Я знаю, что я сюда, в эту камеру больше не вернусь, а ты, наверное, сможешь увидеть Валерку и передать ему мои последние слова.

— Петрович, о чем это вы? Я думаю, что суд во всем разберется. Этого же не может быть?

— Может, Саша, может... Мы, просто заложники своего времени... Нам не повезло...

Фикса смахнул рукой слезу со щеки и, вскочив на деревянный настил, заорал:

— Суки, как я вас ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

После чего он без всякого отвращения

прыгнул в вонючую жижу, и постучал алюминиевой миской по стояку канализации. В ответ моментально послышались стуки со всех этажей тюрьмы.

— Эй, эй! — проорал он в трубу.

— Говори, — донесся глухой звук почти со всех камер.

— Каторжане, я с хаты восемь три — Ферзь. Меня лягаши на кичу запрессовали — на пятнадцать суток. Второй день не кормят, ломают. Если кто может, подгоните «грев». Жрать хочу, курить хочу, аж шкура от вшей чешется!

— Базара нет, браток. Сейчас все сделаем, — послышался гулкий звук.

Фикса отошел от трубы, потирая от радости свои руки.

— Сейчас, Петрович, у нас и хлеб, и «бацилла», и курево будут, — сказал Фескин. — На пока, покури.

И Сашка протянул последнюю папиросу Краснову. Петрович дрожащими руками взял папиросу и дунул в гильзу. В этот момент на его глаза накатилась крупная слеза. Конечно же, ему было сейчас трудно говорить. Ожидание своего конца могло утомить любого, даже самого сильного духом человека. Затянувшись три раза, майор оторвал кусок гильзы зубами и передал папиросу Фескину.

— Кури!

Минут через двадцать в стояк кто-то постучал. Сашка спрыгнул на пол и подошел к трубе.

— Эй, — обозначился он.

— Ферзь, держи «грев»! По «киче» прогон пошел, что ты в «трюме», так что не переживай, все будет путем... Каторжане вся в курсах. Чем можем, тем и поможем!

— Давай, ловлю! — прокричал он, и отошел от трубы.

Сверху послышался звук падающей воды, который бывает обычно после того, как арестанты промывают парашу. Вновь вода с шумом вырвалась из отколотого куска трубы, только на этот раз вместо дерьма, выскочили аккуратные круглые колбаски, связанные веревкой. Фескин отцепил их, и три раза ударил миской по трубе.

— Спасибо, братаны! — крикнул он в нее. — «Грев», принял! Срите только меньше, а то меня вашим дерьмом скоро затопит, — прокричал он следом, как бы шутя.

Отмыв пропарафиненные оболочки «торпед» от остатков человеческих фекалий, он аккуратно развернул туго скрученные газеты. В одной «торпед» лежало больше пачки папирос и спички. В другой был завернут табак, перемешанный с махоркой. В третьей «торпед» лежал кусок

сырокопченой колбасы и шмат сала, граммов на триста.

— Во, бродяги, дают! Колбаса, «бацилла», куреха! Что еще каторжанину надо? Продержимся, Петрович! Ты, сам своего сына увидишь и все ему расскажешь. Правда, Валерка твой мою телку отбил, но я теперь не серчаю на него. Правильный у тебя, батя, пацан!

Краснов посмотрел на Фескина и улыбнулся при виде каторжанской солидарности. Сейчас его занимали совсем другие вопросы. Нужно было, во что бы ни стало, сообщить жене и Валерке о том, что он никогда больше не сможет вернуться домой.

Дядя Жора

Прошло более двух месяцев после ареста отца. За это время от него не было ни слуху, ни духу. Передачи, которые мать собирала ему, не принимались, и она раз за разом возвращалась домой, так и не зная, жив ли Леонид Петрович или же... Как раз об этом ей не хотелось даже и думать. Вечером одного дня, когда мать после очередного посещения смоленской тюрьмы находилась в трансе, в дверь кто-то постучал. Валерка открыл дверь и на пороге увидел незнакомого паренька лет шестнадцати.

— Красновы здесь живут? — спросил он,

переминаясь с ноги на ногу.

— Да, — ответил Валерка, не представляя, что нужно этому парню.

— Я вам «маляву» с «кичи» принес, — сказал он по «фене», и снял с головы кепку. — У тебя «мойка» есть? — продолжил он, глядя на Валерку большими глазами.

— Слушай, я ничего не понял, что за «малява», что за «мойка»? — переспросил Валерка, пожимая плечами.

— Меня, Сергей, «Карнатик» звать, я с тюрьмы, вам письмо принес... Дай мне «мойку», тьфу ты, лезвие. Мой каторжанский «лепень» будем пороть.

— Пройди в квартиру, — пригласил его Валерка, и провел парня в комнату.

Достав лезвие, он подал его пареньку и стал с интересом наблюдать за его действиями. Тот снял пиджак и с ловкостью вспорол лезвием заплатку на рукаве, под заплаткой лежала записка.

Сердце Валерки казалось в ту секунду, вырвется из груди. Он смотрел на кусочек промасленной бумаги, и каким-то шестым или даже седьмым чувством почувствовал, что это послание писал отец.

— Мам! — крикнул он матери. — Тут от отца, письмо принесли!

Мать ворвалась в комнату с глазами полными

надежды и мгновенно накотивших слез. Она в этот миг ничего не могла понять, хватая трясущимися руками жалкий кусок бумаги. Слезы градом катились по её щекам.

Светлана старалась развернуть сложенную записку, но из-за трясущихся рук сделать, это было почти невозможно. Она, видя, что у неё ничего не получается, вновь вернула записку сыну и затаила дыхание в ожидании. Валерка аккуратно развернул записку и в его зрачки брызнули до боли знакомые буквы отцовского почерка. На глаза накатила пелена слез и он, глубоко вздохнув, начал читать:

«Моя милая Светочка и Валерка! Много написать не получится. Хочу, чтобы вы знали, что я ни в чем не виновен... Не стоит слушать людскую молву и даже верить приговору, по которому меня осудят. Я не думаю, что у меня будет возможность написать еще, но при okazji обязательно это сделаю. У меня нет слов, чтобы выразить все то, что я чувствую к вам в этих холодных и сырых стенах. Я верю, что Валерка станет настоящим мужиком и никогда...»

Записка закончилась как-то внезапно и непонятно. Было ощущение, что сатрапы из смоленской тюрьмы просто вырвали её из рук, не дав шанса закончить предсмертное послание.

— А что дальше? — спросила мать.

— А все, — ответил Валерка удивленным

голосом и подал записку матери.

— Я, это... Хочу сказать, что батьку вашего из камеры тогда забрали. Он сунул мне эту «маляву» и, уже уходя, назвал ваш адрес. Еще он сказал, что вы денег дадите, — сказал Карнатик, кусая свои ногти в ожидании причитающегося вознаграждения.

Мать Валерки сидела за столом, подперев голову руками. По её лицу текли слезы, и она ничего в эту минуту не понимала. Огромное горе сжало её сердце сильной рукой разлуки, и она почувствовала, что это письмо от ее Лёни, было, как водится в подобных случаях, последним.

— Мам, надо рассчитаться с курьером, — сказал Валерка, положив свою руку матери на голову.

Словно отойдя от сна, мать встрепенулась и, вытерев накатившиеся слезы, сказала:

— Ах да! Прости, малыш, я совсем расклеилась, — и, привстав из-за стола, подошла к комоду. Вытащив из него шкатулку, она достала червонец и протянула его пареньку.

— Премногое вам, мерси, — сказал Карнатик, и спрятал деньжину во внутренний карман своего пиджака.

— Может, ты хочешь кушать? — спросила его Валеркина мать. — В тюрьме, наверное, очень плохо кормят. Ты сильно бледен. Видно, голодал?

— Я, мамаша, полгода под следствием на «киче» парился. Вот и отощал на казенных-то харчах. В деревню, к бабке, поеду. Молоко, сметанку кушать. Через месяц, я думаю, жиры нагуляю добрые...

— Ладно, проходи на кухню, — сказала ему Светлана, и пригласила за стол.

Карнатик без всякого смущения уселся за стол и, закинув ногу на ногу, приготовился к трапезе.

Мать отрезала краюху хлеба и достала из духовки еще теплый суп.

— Суп гороховый будешь? — спросила его Валеркина мать.

Карнатик, жадно откусывая хлеб, лишь махнул своей головой. Налив миску горохового супа, она подала его гостю, а сама, подойдя к окну, скрестила на груди свои руки и, отключившись от всего мира, уставилась на улицу. Карнатик ловко орудовал ложкой, со звоном и стербаньем опустошая фарфоровую тарелку, пока в ней не осталось ни капли.

— Вы, мамаша, так особливо-то не переживайте, может отпустят вашего благоверного... Там щас на «киче» полная неразбериха. Кто за кражи, кто политические, кто за всякие убивства сидят, кто враги народа и шпиёны всякие. Не тюрьма, а настоящий улей. Не ровен час — отпустят, — сказал Карнатик, вселяя в Светлану

надежду, но она молчала и продолжала стоять, глядя в окно. Было такое ощущение, что она вообще не слышит гостя.

Карнатик, видя, что на его слова никто не отреагировал, тихо вышел из кухни и направился к выходу. Валерка вышел за ним и, пройдя на лестничную клетку, спросил:

— Слушай, Карнатик, как он там, расскажи мне без матери. Я правду хочу знать.

— У тебя, наверное, больше нет батьки. Ферзь просил передать на словах, что твой отец настоящий мужик. Он с ним в одной камере, в «трюме», сидел. Отца твоего с «кичи» увезли... Куда и когда, никто не знает. Ферзь пробивал по всей тюрьме, его ни в одной хате не было. Может в управление... Там, во внутреннем дворе, тоже тюрьма есть.

— А, Ферзь, это...

— Это Сашка Фескин. Он сейчас на «киче» в авторитете! Сам Залепа-Смоленский его в положенцы перевел. Теперь он паханит и цинкует за «Американкой».

— Фескин в паханах? — с удивлением переспросил Валерка. — Он же еще молодой...

— Ворам, браток, виднее. Чуют воры, что Ферзь правильный каторжанин, от того и ставят его в паханы, — сказал Карнатик. — Ладно, бывай, я пошел.

Валерка смотрел вслед уходящему по лестнице Карнатику, а слезы уже заполняли его глаза. Не верил, не верил он в то, что отца больше нет. Не верил, что вот так просто можно, без всяких доказательств, приговорить человека к расстрелу. Не верил и не понимал, что происходит в этом мире такого, что ему еще не понятно? Видно, прав был старый еврей Моня, когда говорил ему, что дьявол будет жать свою жатву стоя по самые колени в крови, и пожирать своих же детей от духа своего и плоти.

В груди словно загорелся огонь, а перед глазами вновь поплыли буквы, выведенные аккуратным почерком отца. Валерка вошел в комнату и ничего не говоря матери, рухнул лицом на диван. Он плакал словно мальчишка, тяжело вздыхая и воя, словно собака, потеряв любимого хозяина. Он плакал, вытирая глаза рукавом рубашки, и не верил, что судьба разлучила его с отцом не на день и не на десять лет.

Судьба развела их на всю жизнь и больше никогда он не увидит его чистых и хитрых глаз и сильных отцовских рук. Он плакал, и не знал, что это были его последние юношеские слезы. Сколько их еще будет в его жизни, он не знал, но, то уже будут совсем другие слезы — слезы горечи и потерь боевых друзей и горячо любимых подруг.

Лена вошла в комнату беззвучно, словно

пантера. Перед её глазами предстала странная картина.

Будущая свекровь стояла на кухне около окна и дымила папиросой, пуская густой дым в стекло, который стоял какими-то клубами, абсолютно не растворяясь в воздухе. Её Валерка лежал на диване лицом вниз и молчал, не обращая ни на кого своего внимания. Он был в полном трансе.

Ленка подошла к нему и, присев на край дивана, положила ему руку на голову. Краснов в ту секунду даже не шевельнулся, продолжая скорбеть по своей утрате. Так и сидела Леди, держа руку на его голове, перебирая пальцами густые волосы, пока его рука не коснулась её руки. В эту минуту Леди поняла, что что-то случилось в семье Красновых. Девчонка в ту минуту не хотела задавать никаких вопросов, видя, что ее интерес в данном случае будет абсолютно неуместным. Все было понятно без слов, и она всем своим влюбленным девичьим сердцем, своей нежностью хотела просто оттянуть ту боль, которая в тот миг сжимала сердце её Валерки.

— Привет! — сказал Краснов-младший, повернувшись лицом. Он старался улыбнуться, но его опухшие и красные от слез глаза, выдавали его истинное настроение.

— Привет! — ответила Леди, и её рука нежно скользнула по щеке парня.

В эту минуту, в этот миг она почувствовала, как его губы, теплые и мягкие, нежно коснулись её ладони. Они беззвучно целовали её руку и от этих поцелуев, сердце девчонки словно дрожало на ниточках. Она молча смотрела на Краснова сверху вниз, и слеза, то ли девичьего счастья, то ли горечи и сострадания, упала прямо ему на лицо.

— Ты, плачешь? — спросил Валерка, ощутив на своей щеке теплую каплю.

— Нет, это просто так — соринка, — соврала она, не желая раскрывать глубину тех чувств, которые сейчас бушевали в её душе.

— Сегодня от отца пришло письмо, — сказал Валерка, уже как-то неестественно спокойно, словно он смирился с тем, что произошло всего лишь полчаса назад.

— А почему у тебя тогда глаза такие красные, ты, что плакал? — спросила Леди, глядя ладонью по его щеке.

В эти минуты, Валерке, как мужику не хотелось показывать свою подавленность. Девчонка сидела рядом, а ему, как будущему летчику, как будущему командиру Красной армии, было просто стыдно за эти приступы мужской слабости, которые фактически скрыть было невозможно.

После появления в доме письма отца, майора РККА — Краснова, жизнь его семьи кардинально изменилась.

Мать, переживая всем сердцем постигшее ее горе, замкнулась в себе, и буквально за три дня на голове еще молодой женщины появились первые пряди седых волос. Она никак не могла смириться с потерей своего мужа и это чувство неизвестности, постоянно угнетало её, порой доводя до спонтанных истерик и приступов неврастения.

С момента ареста отца, прошли уже более двух месяцев, а кроме той жалкой записки на тюремном клочке промасленной бумаги, больше никаких вестей от мужа не было. Несколько раз она ходила на прием в управление НКВД, но каждый раз слышала только одно:

— Ждите, о судьбе майора РККА ВВС — Краснова, вам сообщат...

Время шло, а о судьбе бывшего летчика и героя Испании майора Краснова, никто извещать так и не спешил.

Все знали, что приговор тройки НКВД уже приведен в исполнение, а его тело вместе с сотнями тел таких же, как он командиров РККА, теперь уже покоится в безымянной могиле невдалеке от поселка Катынь, вместе с несколькими тысячами польских офицеров, так же зверски растерзанных властью Сталина...

На дворе была темная сентябрьская ночь.

Воронок, скрипнув тормозами, замер

невдалеке от подъезда, где еще совсем недавно жила в полном составе семья Красновых. Красные точки горящих окурков в машине, просматривались сквозь мокрое от дождя окно.

Их было трое. Синие галифе, промокшие от дождя плащ-накидки, черные хромовые сапоги, да фуражки с малиновой тульей наводили настоящий ужас на простого обывателя.

В те годы, люди в такой униформе, почти в каждую семью несли беду и были плохим знаком, наподобие «черной кошки», перешедшей дорогу.

Не обошла беда и семью Красновых. Следом за отцом, в застенки НКВД, как «жена врага народа», угодила и мать.

Светлана, вероятно, чувствовала, что время её пребывания на свободе сочтено, а машина сталинского «правосудия» уже творит свое коварное и беспощадное дело. В те годы многие знали, что за арестом главы семьи, как правило, карательные органы системы, производили окончательную зачистку, и подвергали репрессиям почти всех оставшихся членов этой семьи, но уже по статье 58-1в УК РСФСР.

Лишь сумрак пал на улицу, в дверь Красновым кто-то позвонил.

Валеркина мать, положив свои ладони на грудь, тихо подошла к двери и своим мелодичным и тихим голосом спросила:

— Кто там?

— Краснову Светлану, — обратился невидимый, неизвестный мужской голос.

— Да!

— Вам послание от мужа, — проговорил тот же голос.

Сердце Светланы в тот миг екнуло, и по всему телу пробежала волна какой-то невиданной слабости. В голове полетели разноцветные круги и ноги Светланы Владимировны подкосились. Она, опершись спиной на дверь, стала медленно опускаться на пол, теряя сознание. В эту секунду все смешалось в её голове. Страх, жуткий страх сковал все тело, а на уставшие от слез глаза опустилась какая-то полупрозрачная пелена.

В тот миг кто-то заорал:

— Открывай, сука, мы знаем, что ты там, — проговорил тот же голос, но уже более настойчиво и с нескрываемой грубостью. — Ты, падла, пожалеешь, когда мы выломаем эти двери!

Валерий, шокированный вечерним визитом незваных гостей, одевшись на скорую руку, выскочил в коридор и заслонил спиной свою мать. Он стоял напротив двери и непонимающими глазами смотрел на Светлану.

Сейчас Краснов-младший всем сердцем ощущал какую-то незащищенность и странную беспомощность в данной ситуации. Ему в эти

мгновения просто хотелось броситься к двери, навалиться на неё всем телом, чтобы защитить самого дорогого человека. Хотелось, но что-то сдерживало его...

Валерий тихо подошел к матери, и, опустившись на колени, обнял её за плечи. Он прижал её голову к своей груди, и глубоко вздохнув, поцеловал мать в щеку. Спазмы сжали его горло словно тисками. В ту минуту Валерка молчал, боясь своим голосом спугнуть оставшиеся последние мгновения их жизни.

Глухие удары тяжелых сапог в дверь, в унисон слились с ударами их испуганных сердец.

— Открывай, сука, — вновь послышался голос, и дверь загудела под натиском разъяренных НКВДешников.

Ничего не говоря, Валеркина мать приподнялась с пола и с каким-то отрешенным и смиренным видом, открыла стальную задвижку. Дверь с грохотом распахнулась, чуть не расплющив Валерку о стену.

— Краснова, ты? — спросил мордатый НКВДешник с красным от водки лицом.

В ту секунду от него дурно пахло луком и перегаром деревенской сивухи, которую, судя по всему, он пил незадолго до ареста Светланы.

— Да! — ответила Краснова.

— Почему так долго не открывали? Что,

прятали улики!? Шифровки в печи жгли?

— Мы спали, нужно было одеться, — сказала мать уже более спокойным и ровным голосом.

— Панфилов, глянь на кухню, может, они какие вещдоки палили в печке? Эти суки контрики на все способны!

— Есть, товарищ капитан, — сказал молодой чекист и, оттолкнув Краснову, скрипя своей кожанкой, вошел на кухню, заглядывая во все углы, не исключая и помойное ведро.

Капитан, схватив Светлану за предплечье, сопровождал ее и Валерку в комнату. Наугад нащупав рукой выключатель, он включил свет и толкнул мать и сына в комнату.

— Ну, шо, господа шпиёны, будем собирать вещички? — спросил капитан, ерничая над их горем. — Вот мандат на ваш арест.

Выдвинув стул, он уселся на него задом наперед, облокотившись на спинку. НКВДешник достал папиросы и, дунув в гильзу, прикурил от немецкой бензиновой зажигалки. В тот миг Валерка вспомнил эту зажигалку, которую совсем недавно подарил его отцу один из немецких летчиков, приезжавший на завод.

— Так, господа шпиёны, собирайте вещички! Два комплекта нижнего теплого белья, ложка, миска, кружка. Можно нескоропортящиеся продукты. Можно одеяло, — говорил НКВДешник

словно по-заученному, дымя папиросой.

Из кухни в комнату вошел лейтенант. Он с треском откусил наливное яблоко, которое взял там без спросу с кухонного стола и, чавкая, прожевав, сказал:

— Семеныч, нет там ни хрена никаких документов! Печь еще не топлена! Все чисто.

— А откуда им там взяться, дурень! У них два месяца назад уже был обыск. Ты че, летеха, вообще ничего не всекаешь? Ничего, обвыкнешься, салабон! — сказал старший.

— А, а, а, понял, — ответил лейтенант, и вновь откусив яблоко, уселся на диван, закинув ногу на ногу.

— Че стоишь? Собирай, сучка, свои манатки, — зло сказал НКВДешник и, доев яблоко, небрежно бросил огрызок на пол.

В груди Валерки в тот миг словно разорвалась противотанковая граната. Ему необычайно захотелось вклеить этому холеному чекисту ногой прямо в его наглое лицо. Хотелось отделать его так, чтобы он ползал по полу на карачках, и языком слизывал ту грязь, которую они принесли с собой. С чувством невиданной ненависти, он крепко сжал зубы так, что бугры мышц зашевелились на его скулах. Ничего не говоря, Валерка нагнуллся и, подняв злосчастный огрызок, с силой сжал его в кулаке.

— Давай, давай щенок! Чистота залог здоровья, — сказал лейтенант с какой-то странной ненавистью к обитателям этого дома, будто в тот миг перед ним были не граждане страны советов, а заклятые враги и предатели.

— Ты, Панфилов, особо не зарывайся! Дай даме собраться! Чай дорога ей сегодня дальняя в казенный дом. Пусть вещички соберет, как полагается, а то накатает жалобу Фатееву, будут нам и премиальные, и прочие льготы...

Видя, с каким пренебрежением чекисты обращаются к матери, Валерка еще сильнее сжал в руке поднятый огрызок так, что раздавил его, и даже мякоть просочилась сквозь пальцы.

— О, о, о, Семеныч, глянь на этого! Сейчас в драку бросится! Прыщ плюгавый...

— Угомонись, Панфилов, не трогай мальчика, ведь она же ему мать, — сказал старший. — Пепельница хоть в этом доме есть? — спросил он, обращаясь к Валерке.

Краснов-младший вышел на кухню и принес отцовскую пепельницу, сделанную солдатами из латунной гильзы артиллерийского снаряда. На ней искусно была выгравирована дарственная надпись, да портрет военного летчика, который улыбался на фоне какого-то неизвестного ему самолета.

— Занятная вещица, — сказал капитан, с любопытством рассматривая тяжелую, латунную

гильзу. — Батьке, что ли подарили?

— Да! — сухо ответил Валерка, видя, как мать складывает свои вещи в небольшой узелок.

В тот миг его словно осенило. Он вспомнил о револьвере «Сент-Этьен», который был спрятан им в подвале по просьбе отца. Сейчас это была единственная возможность поквитаться с чекистами и спасти мать.

Мысль, словно шило, кольнула его в мозг, и в груди загорелось желание всадить в этих страшных людей весь револьверный барабан. Он, как сын, знал, что его родители ни в чем не виновны. Они были святыми, но по чьей-то чужой воле, по чьему-то ложному навету стали заложниками этого времени.

В Валеркиной голове одна идея сменяла другую, изыскивая всевозможные варианты его дальнейших действий. Как он ни старался исключить расправу, все его думки сходились только на этом револьвере. Он уже чувствовал тяжесть оружия в своих руках, чувствовал холодок вороненого металла и представлял, как огромные пули, выпущенные им, просто разорвут на части тела этих непрошенных и наглых гостей.

— Ну что, стерва, собрала свои хотули? — спросил капитан Светлану Краснову.

— Я готова, — ответила Валеркина мать спокойным и ровным голосом.

— Ну, раз готова, то пошли!

НКВДешники поднялись и, пропустив вперед Валеркину мать, собрались, было идти, но...

Валерка как-то спонтанно и абсолютно без слез, бросился ей на шею. В последний раз он крепко обнял ее, прижав к своей груди. Он целовал её щеки, стараясь хоть на минуту, хоть на секунду задержать мать в своих объятиях. В ту же секунду молодой лейтенант грубо оттянул его за плечо, и со всего размаха ударил Валерку в скулу так, что тот упал на пол.

Валеркина мать, видя как здоровый мужик ударил её сына, заорала:

— Что ж вы делаете, люди вы или звери? Он же еще ребенок!

— Прочь с дороги, щенок! Раз ты ребенок, готовься. Завтра поедешь в приют для таких же, как ты. А квартирку мы опечатаем, до особого распоряжения ЧК. Ты понял меня, стервец??? — спросил лейтенант, и когда все вышли, с силой захлопнул за собой двери.

Валерка, вытирая рукой кровь из рассеченной губы, поднялся с пола, но дверь, за которой скрылась спина матери уже закрылась.

В тот миг что-то тяжелое и гнетущее навалилось на него. К горлу вновь подкатился комок горечи, а к глазам слезы.

Валерка вдруг застонал, словно раненый зверь

и, упав на колени, стал кулаками бить в паркетный пол, чтобы хоть как-то унять ту боль, что разгорелась внутри его груди. Он скулил, бил руками, катался по полу, но слезы так и не проступали на его глазах. Сколько он находился в этом припадке ярости и скорби, он не знал.

С каждой минутой Валерка слабел и слабел от бушующего в груди горя, да нестерпимой боли очередной утраты. Примерно через час он отключился, словно провалился в черный церковный подвал.

Уже утром, Леди по-привычке бесшумно вошла в квартиру Красновых. Первое, что она увидела, это был Валерка, который скорчившись, неподвижно лежал на полу. Квартира была пуста. Не было в ней ни приветливой улыбки Светланы Владимировны, ни её прежнего тепла. Создавалось такое ощущение, что злая и неведомая сила лишила этот дом своей души и того семейного счастья, которое было здесь еще совсем недавно.

Леночка бросилась к Валерке и, встав на колени, перевернула его лицом вверх. В тот момент она просто не узнала его. Его лицо было серым. Губы вспухли и посинели, а кровь засохла вокруг рта и на подбородке. Ей показалось, что он умер, но тепло его тела говорило, что Валерка еще жив. Ленка похлопала его по щекам и от этих хлопков, Краснов приоткрыл свои опухшие от слез глаза.

— Ты жив, слава богу! Я же так испугалась! Что случилось? Почему ты, на полу? — стала его засыпать Леди вопросами.

Валерка приподнялся и, сев на пол, облокотившись на диван, сказал:

— Ночью, Леночка, приходили чекисты. Они и маму арестовали.

— Как? За что? — сквозь накотившие слезы еле проговорила Ленка, всем сердцем сочувствуя Краснову.

— За то, что она жена врага народа и немецкого шпиона! — сказал Валерка с суровым выражением своего побитого лица.

Он встал с пола и молча прошел на кухню, где над печкой на полке лежали уже его папиросы. Он взял одну в рот и прикурил от зажженной спички. Теперь он остался один. Не было того строгого отцовского внимания и материнского неодобрения его дурной привычки. Он был один, и это чувство было до ужаса, до нестерпимой боли неприятным. Тяжело было сейчас осознавать такую потерю, да и даже думать о ней, как о свершившейся правде.

— Что ты молчишь, ведь надо что-то делать! — бросилась к нему Ленка, стуча ему в грудь своими маленькими кулачками.

— Что я смогу сделать? Написать дедушке Калинину, поехать в Москву к Сталину? Что, что? Ты, можешь сама сказать, что?

— Я, Валерка, не знаю... Это какое-то недоразумение. Неужели никто не может остановить это?

— Ты бы, поменьше болтала, а то неровен час и тебя за антисоветчину упекут. Ты, лучше в школу иди, а мне нужно найти жилье. Сегодня придут чекисты квартиру описывать и опечатывать. Меня обещали в приют отправить, но я знаю, по статье меня тоже сошлют, куда-нибудь в ссылку.

— А может к нам? — спросила Леди, глядя на него заплаканными глазами.

— А что скажет твоя мать? Жених пожаловал, без гроша за душой... Нет, Леночка, я так не могу. К бабке надо ехать в деревню...

— А как же школа? Как твои полеты? Ведь это же, Валерик, последний год.

— Я не думаю, что в школе меня примут с объятиями. Вон, у Ваньки, тоже арестовали отца и мать. И где теперь тот Ванька? В приют для детей врагов народа отправлен? Нет, Ванька, уже далеко в Забайкалье. Я так не хочу! Это не мое. Я должен, должен стать военным летчиком. Отец должен гордиться мной! Ты это — понимаешь, я ведь обещал?

Когда он говорил это, то даже на сотую долю не мог усомниться, что отец еще жив. Он не мог, да и просто не хотел впускать в свою голову мысль, что больше никогда не увидит его.

Валерка сунул руку под стол, где был его тайник. Вытащив жестяную коробку из-под монпансье, он открыл её. Значки, фотографии, Ленкины записки, комсомольский билет и другие документы хранились в ней, как самое дорогое и ценное в его жизни.

Положив коробку на стол, Краснов стал укладывать свои вещи в большой отцовский фанерный чемодан. Леди, совсем забыв о школе, принялась помогать ему в его нелегких сборах. Сейчас ей было все равно, пропустит она уроки или нет. Необходимо было в такую минуту помочь Краснову. Книги, учебники, тетради она складывала ровными стопками и перевязывала шпагатом. Через час все было готово. В квартире осталась лишь мебель с казенными инвентарными номерами, да кухонная утварь.

— Вот и все, — сказал Валерка и присел на диван, где еще ночью сидел наглый чекист.

— Немного же у тебя вещей. Ты, Краснов, не очень-то и завидный жених. Оставь их пока у нас, я думаю, мама будет не против, — сказала Леночка, положив голову ему на плечо.

— Так найди себе богатого нэпмана или НКВДешника! Пусть он тебе дорогие вещи покупает, — обидевшись, сказал Валерка и отвернулся.

— Прости! Прости, я не хотела обидеть тебя.

Леди подвинулась к Краснову поближе и, взяв его за руку своей нежной ручкой, щекой прижалась к его щеке. Она была на удивление теплая. В тот миг Ленка почувствовала, как кто-то невидимый нежным перышком начал щекотать её внутренности. Это было настолько приятно и ново, что она не удержалась и поцеловала его еще и еще.

Валерка удивился. Леди никогда за все время дружбы не допускала себе подобных вольностей. Наоборот, её строгость и девичья неприступность импонировала Краснову. А сейчас, сейчас она была на удивление мила и доступна. Её запах, её нежная кожа на удивление притягивали словно магнит. Набравшись духа, Валерка, закрыв глаза, чмокнул Ленку в щеку. К его губам моментально прилип её неповторимый и приятный запах. Он настолько возбуждал, что Краснов впервые ощутил, как он хочет эту девочку. Ему казалось, что внутри его, словно в стакане с газировкой, стали подниматься мелкие пузырьки. Они исходили откуда-то с самого низа и, поднимаясь вверх, касались его легких, его сердца. От этих прикосновений было необычайно приятно и тепло.

Сам того не заметив, Валерка коснулся её колен своей рукой. Леди не обратила на его касания никакого внимания, лишь сильнее прижалась к нему и её теплые губы вновь впились в его шею. Это прикосновение, словно удар тока пронзило все

тело мальчишки. Его рука скользнула по ноге выше, слегка приподняв шерстяной подол школьной формы. Еще нежнее, еще приятней её губы целовали его. Грудь девчонки, стала высоко подниматься. Она все глубже и глубже стала дышать, инстинктивно наклоняя свое тело назад. Ей хотелось, чтобы он, её Валерка, целовал её, нежно касался её колен, ног, груди.

Обхватив Краснова за шею, Ленка, вопреки своему рассудку, потянула его на себя. Его тело в этот момент дрогнуло от подобной неожиданности, словно окаменело, но уже через мгновение оно стало податливым, словно пластилиновое.

Леди легла на диван и, закрыв свои глаза, губами нашла его теплые губы. В этот момент они слились в страстном поцелуе, и её язык как-то непринужденно скользнул Валерке в рот. Он шевелился, щекоча кончик языка мальчишки, и от этого по коже Краснова пробежал миллион муравьев на острых железных шпильках.

Трясущиеся от страсти руки девчонки вцепились в его рубашку. Ленка расстегивала пуговицы, стараясь добраться до обнаженного тела своего возлюбленного. Краснов был ошеломлен. Все, о чем он мечтал ранее в своих юношеских фантазиях, сейчас удивительным образом сбывалось. Неуверенность и страх чего-то нового, сдерживали его от более решительных действий в

отношении Ленки, и это сковывало все его движения.

Леди в эту секунду была просто счастлива. Теплые поцелуи, ласковые руки Краснова, скользившие по её ногам, груди, приносили ей небывалое блаженство. Сердце девчонки колотилось от приливающих порций адреналина и ей впервые захотелось отдаться этому юнцу.

В тот самый момент, когда Краснов под натиском бушующих в теле гормонов почти овладел телом подруги, когда до заветного «Да!» оставались считанные секунды, в дверь кто-то нежданно постучал.

Тело Краснова дернулось. Он знал, что сегодня должны были прийти НКВДешники, чтобы опечатать квартиру, но увлекшись любовной игрой с Ленкой, абсолютно выпустил этот факт из головы.

— Ленка, чекисты! — сказал он и, вскочив с дивана, стал застегивать на ходу штаны, которые упали ниже колен.

Леди так же, не спеша, привела себя в порядок, но румянец на её щеках выдавал настроение девчонки.

Пока Краснов метался по квартире в поисках рубашки и носков, в дверь вновь постучали. Впервые в жизни он ощутил себя на месте любовника, которого застал муж в постели своей жены.